

Лепеллетье де Буэлье Э. де

ТАЙНЫ МАРИИ-ЛУИЗЫ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Эдмонд-Адольф де Буэлье

Тайны Марии-Луизы

«Алгоритм»

1910

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

де Буэлье Э. д.

Тайны Марии-Луизы / Э. д. де Буэлье — «Алгоритм»,
1910 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03609-5

Эдмонд-Адольф де Лепеллетье де Буэлье (1846–1913) – французский литератор и публицист левореспубликанского направления, участник и историк Парижской коммуны 1871 г. Публикуемый в данном томе роман «Коварство Марии-Луизы» как нельзя лучше подтверждает старинную корсиканскую пословицу: «Мужчину создает женщина, она же его губит». Достигнув благодаря Жозефине Богарне головокружительных высот, Наполеон Бонапарт в зените славы расстался с ней ради ненавидевшей его Марии-Луизы, принцессы из рода Габсбургов, был низложен и бесславно окончил свои дни в ссылке. Став марионеткой в опытных руках молодой чувственной женщины, сумевшей сделать супружеское ложе местом самых упоительных и сладостных сражений, он за четыре года потерял империю, на созидание и упрочение которой ушло пятнадцать лет его жизни. Австрийская принцесса так и не полюбила Наполеона, несмотря на титул императрицы, искреннее обожание мужа и рождение сына. Более того, она предала его, забыв о супружеском долге ради генерала австрийской кавалерии графа фон Нейпперга, с которым при первой возможности уехала из Парижа. Это поражение в личном плане было для Наполеона не менее тяжелым, чем Ватерлоо.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03609-5

© де Буэлье Э. д., 1910

© Алгоритм, 1910

Содержание

Коварство Марии-Луизы	6
I	6
II	9
III	13
IV	19
V	22
VI	27
VII	32
VIII	35
IX	41
X	47
XI	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдмонд-Адольф де Лепеллетье де Буэлье Тайны Марии-Луизы

Коварство Марии-Луизы

I

На расстоянии около ста метров от заставы Клиши, налево от дороги, прорезавшей сады, поля, широкие равнины, ставшие позже городом Батиньолем, а еще позже – многолюдным семнадцатым округом Парижа, в 1914 году находился ресторанчик, хорошо известный парижанам своим легким аржантейльским вином и вкусно приготовленными яйцами. Летом этот ресторанчик посещали веселые парочки и добродетельные семейства, приходившие сюда поиграть в шары, попивая вино и пиво с нантеррскими пирожками и печеньем. Зимой он служил приютом влюбленным, искавшим где-нибудь вблизи от города места для своих свиданий, скрытого от любопытных взоров. Вывеска этого ресторанчика сохранилась до наших дней; крупными синими буквами на серебряном фоне было написано: «Дядюшка Лятюй; кабинеты, залы для свадеб и обедов».

В ясное и солнечное, но немного ветреное мартовское утро 1814 года хозяин ресторанчика с крайне озабоченным и возбужденным видом переходил от кухни к погребу и обратно, подбодря рабочих, торопя служанок и внимательно следя за стряпней на кухне. Иногда он приотворял дверь и, просунув туда голову, озабоченно спрашивал:

– Позаботилась ли ты о белье для большого салона? Везде ли есть масло? Эти господа, кажется, очень требовательны.

– Да-да, не беспокойся! – отвечала госпожа Лятюй, маленькая худенькая молодая брюнетка, живая и энергичная, командовавшая всем домом.

Она сидела за своей конторкой, окруженная фруктами и пирожными, аккуратно разложенными по блюдам, с лихорадочной поспешностью записывала заказы в толстую тетрадь и подводила счета. Все ее существо выражало нетерпение: ей хотелось бы одновременно быть в кухне, в ресторане за кассой и следовать по пятам за мужем и служанками.

Получив такой ответ, хозяин покорно возвращался к своей стряпне, заглядывал в кастрюли, переворачивал жаркое, но, по-видимому, не в силах был отделаться от занимавших его мыслей и снова приотворял дверь к жене, приходившей в бешенство от этих помех в ее хлопотах.

– Не надо забывать о парочке, господине и даме, во втором номере, – сказал он шепотом, – они кажутся вполне порядочными людьми. Красивая женщина, насколько я мог разглядеть, так как она тщательно закрывала лицо.

– Присматривай-ка лучше за жарким! Это будет лучше, чем заниматься красивыми дамами, которые сюда приходят, – раздраженно ответила госпожа Лятюй и прибавила с возрастающим гневом: – Она вовсе не так интересна, как ты находишь. Тяжелая, с квадратной талией, ноги большие. Можно подумать, что она – немка! Господин гораздо лучше.

– Ах, ты разглядела господина? Ну, а я даму, это совершенно естественно! Жаль, что у этого прекрасного господина повязка на глазу.

– Молчи, кто-то идет! – сказала госпожа Лятюй, зоркий взгляд которой заметил пару, медленно приближавшуюся к входу в ресторанчик, где она восседала среди своих ваз с фруктами и бисквитами.

Мужчина был высок и худ, с потемневшим лицом и большими усами, и напоминал Дон Кихота. Он был одет в длинный, застегнутый на все пуговицы сюртук, с ленточкой Почетного легиона. Шляпа, сдвинутая набок, и толстая трость, которой он размахивал на ходу, выдавали отставного военного.

Дама, к которой он относился с видимым почтением, полная, пышущая здоровьем, с открытым лицом и взглядом, была одета как богатая купчиха; за таковую и принял ее хозяин ресторанички.

«Это какая-нибудь богатая торговка с улицы Сен-Дени, – подумал он, – наверное, обманывающая мужа с солдатом. Держу пари, что по счету будет платить она! – Он сделал гримасу, рассуждая сам с собой: – Женщины слишком наблюдательны и любопытны... я не дам им голубой кабинет; восьмой номер будет для них достаточно хорош!»

– Жюли, – громко позвал он одну из прислуг, – проводи господ в восьмой номер! Вам будет там прекрасно, – прибавил он, обращаясь к новым посетителям. – Что прикажете подать вам?

Они переглянулись с некоторым затруднением.

Хозяин иронически сказал про себя: «Они пришли сюда, видимо, вовсе не для того, чтобы обедать! Только пусть не воображают, что я отдаю мои салоны птичкам, живущим любовью и свежей водой! Они имеют оба такой глупый вид, что, кажется, я должен помочь им. А ведь они далеко не дети!»

И, приняв изящную и почтительную позу, с легким оттенком иронии, Лятюй обратился к своим посетителям:

– Не угодно ли вам для начала дюжину устриц? В виде закуски – колбасу и масло... у нас есть прекрасная розовая редиска. Затем, может быть, яичницу с почками? Не зажарить ли для вас кролика? У нас есть бифштексы, холодные цыплята.

– Дайте нам что хотите, черт возьми, но только не на улице! Ведите же нас куда-нибудь, тысяча бомб! – крикнул переодетый военный, размахивая своей тростью, что могло легко перейти в более энергичное воздействие на спину болтливого трактирщика.

Спутница дотронулась до его руки, чтобы успокоить его.

– Потерпи! – сказала она, а затем обратилась к хозяину: – А ты, дядюшка, покажи нам дорогу; дай нам что хочешь, а потом чем скорее ты уйдешь, тем больше доставишь нам удовольствия.

С этими словами толстая и добродушная дама очень фамильярно ударила слегка по животу дядюшку Лятюйя.

Он с негодованием попятился назад и сказал с достоинством, меряя взглядом бесперемонную посетительницу:

– Служанка Жюли подаст вам.

Сделав знак Жюли, он удалился к себе в кухню, бормоча:

– Это совсем простые люди, восьмой номер еще слишком хорош для них. Жюли! – крикнул он служанке. – Подавай в четырнадцатый номер!

Четырнадцатый номер представлял собой совсем маленькую комнатку, освещенную узким окном, выходившим в темный двор. Он помещался в самом конце коридора, в который выходили более нарядные кабинеты, предназначенные для тонких обедов. Рядом с ним находился большой салон, где обедали пять человек, к которым Лятюй относился особенно внимательно.

Жюли ввела гостей в четырнадцатый номер, поставила на стол две тарелки и два стаканчика и скрылась со словами:

– Сейчас подам закуску!

Переодетый военный прислушался к удаляющемуся стуку ее башмаков, а затем почтительно обратился к своей спутнице:

– Я воспользуюсь отсутствием девушки и произведу разведку.

– Осторожнее, ла Виолетт! – ответила толстая дама, которую Лятюй принял за купчиху с улицы Сен-Дени, пришедшую сюда ради любовного приключения.

Это была не кто иная, как герцогиня Данцигская, добрая, отважная супруга маршала Лефевра, которую парижане, солдаты и сам император называли фамильярным именем «мадам Сан-Жень», ставшим достоянием истории.

Бывший тамбурмажор гвардии ла Виолетт, старый товарищ Лефевра еще по республиканской армии, оставшийся другом и исполнителем поручений прачки, ставшей женой маршала и герцогиней, выпрямился и с жестом, говорившим: «Вы можете быть уверены во мне!» – осторожно выскользнул в коридор. Герцогиня осталась одна, видимо, сильно обеспокоенная и взволнованная. В этот ресторанчик, как правильно подумал хозяин последнего, ее привело не только желание поесть жареного кролика и выпить стакан аржантейльского вина.

II

Ла Виолетт вернулся скоро бледный и с лицом, искаженным от тщетно сдерживаемого волнения.

– Что случилось, скажи, ради бога? – спросила герцогиня.

Ла Виолетт приложил палец к губам и взглядом указал на дверь.

– Они здесь? – спросила Екатерина Лефевр, понизив голос.

Ла Виолетт опустил голову.

– Может быть, это ложный слух. Алису оклеветали.

– Я доверяю человеку, который сообщил мне то, что я говорил вам, – грустно ответил он. – Старый солдат, как я, не станет охотно повторять пустые слухи. Я утверждаю и повторяю, что полицейский агент Пак, мой старый полковой товарищ, обязанный, по его словам, мне своим повышением после дела генерала Мале, в котором я, сам этого не зная, исполнил его обязанности, сообщил мне, что дама, которая живет в вашем доме и которую он слишком определенно описал мне, находится в связи с одним из самых страшных врагов императора, графом Мобрейлем.

– Лефевр говорил мне, что этот Мобрейль, которого я видела как-то раз в Комбо и которого императрица Мария-Луиза напрасно так хорошо принимает, действительно был замешан в заговоре. Он имел сношения с теми, кто замышлял убить императора?

– Только обстоятельства помешали ему в этом.

– Неужели Алиса обманывает своего мужа, нашего славного Анрио, с этим разбойником?

– Женщины не занимаются политикой, – философски заметил ла Виолетт. – Замышлять убийство императора – значит действовать заодно с казаками. Теперь самые честные люди думают об адских машинах. Среди лучшего общества с нетерпением ожидается взрыв, так как русские и пруссаки долго не являются в Париж. Можно подумать, что они нарочно хотят потерпеть поражение от императора.

– Значит, по словам этого полицейского агента, Мобрейль действительно любовник жены Анрио! Бедный мальчик! Что он сделал? За что Алиса разлюбила его?

– Граф Мобрейль понравился ей. Это увлекательный кавалер, умеющий говорить комплименты. А к тому же полковник Анрио уехал, чтобы быть рядом с императором и защищать наводненную врагами Шампань. Он теперь далеко отсюда... где-то у Труа или Эпирнэ; это чуть ли не на границе России! Мадам Алисе было скучно, она и приняла то развлечение, которое представилось ей. Гм... женщины! Это дети, играя, причиняющие зло! – проворчал добрый тамбурмажор.

– А все-таки я готова до полной очевидности сомневаться в этой измене. Она поражает меня, разбивает мое сердце, – с трудом сказала Екатерина. – Я люблю Алису, которую спасла от пожара и смерти во время осады Вердена. Анрио, сын моей благодетельницы Бланш де Лавелин, воспитанный мною и Лефевром, – почти наш сын. Узнать, что он не нашел счастья в этом браке, который так долго задерживался из-за разных препятствий, опасностей и наконец состоялся, для меня было страшным ударом! Ты уверял меня, что здесь мы найдем доказательство неверности Алисы. Я последовала за тобой в этот кабак. Ты обещал показать мне виновных – я жду!

– Я думаю, что Алиса и ее соблазнитель еще не пришли в тот кабинет, который приготовлен для них, если только указания моего друга Пака правильны.

– Дай бог, чтобы они оказались ложными! Кто знает, что может выдумать слишком усердствующий полицейский агент? Этот Пак знает, как маршал любит тебя, ла Виолетт, и, выдумывая историю относительно Алисы, хотел угодить тебе, а через тебя – зарекомендовать себя Лефевру и императору.

– Пак – человек, преданный императору, и большой патриот. Мне казалось, что во всей этой истории он подозревал нечто другое, чем любовную интрижку.

– А что же? Твой Пак большой выдумщик и может ошибаться. Ведь вот Алисы здесь нет, как он говорил. А граф Мобрейль, может быть, никогда не имел свидания с женой Анрио ни в Комбо, ни здесь. Да и знает ли еще он этот ресторанчик? Я держу пари.

– Не держите, вы проиграете! Я слышал.

– Кого? Графа Мобрейля?

– Да, и еще других. Они здесь, в отдельном кабинете, составляют заговор против Франции! Эти негодяи, – продолжал ла Виолетт сквозь зубы, – стараются помешать движениям императора, расстроить его планы, помочь Блюхеру поскорее достигнуть Парижа. Но это не все! Я расслышал сквозь дверь несколько слов, обнаруживающих более подлый заговор, чем все бывшие до сих пор.

– В чем же дело?

– Тсс! Подождите!

Служанка вернулась с посудой и кушаньями; поставив все на стол, она удалилась. Екатерина принялась за еду, чтобы не возбудить подозрений у хозяина ресторанчика, и в то же время расспрашивала ла Виолетта. Последний коротко рассказал ей, что пять или шесть человек, среди которых он узнал графа Мобрейля, обсуждали отчаянное положение, в котором находился Наполеон. Дело в том, что после великой катастрофы, постигшей Наполеона в России, его недавние союзники тотчас же подняли головы. Первой была Пруссия. Она заключила союз с Россией и объявила вместе с императором Александром войну Франции. Во главе прусской армии встал Блюхер, во главе русской – Витгенштейн. Однако Наполеон не дал союзникам застать себя врасплох и быстро собрал армию, значительно превосходившую силы союзников. Военные действия начались 24 марта 1813 года (всего через три месяца после переправы через Березину). В мае произошли две большие битвы: при Лютцене (1 мая) и при Баутцене (8 мая). Наполеон благодаря значительному превосходству сил вышел победителем, но это была такая победа, что он же первый повел переговоры о перемирии. 23 мая оно было подписано. Австрия приняла на себя посредничество в мирных переговорах. Однако они не привели ни к каким результатам, и по истечении срока перемирия военные действия возобновились (15 августа). К союзникам тем временем примкнули Австрия и Швеция, и их войска увеличились до 225 тысяч человек (в главной армии). Англия также не прекращала военных действий на море. В августе союзники проиграли большую битву под Дрезденом, но зато победили при Кульме. Затем французы потерпели ряд неудач, закончившихся трехдневной Лейпцигской битвой, в которой Наполеон потерпел полное поражение. Союзники вступили во Францию. Наполеон с лихорадочными усилиями собрал новую армию и двинул ее на войска союзников, а вместе с тем, не прекращая военных действий, повел мирные переговоры, для ведения которых в Шатийон-сюр-Сен собрались представители Австрии, Пруссии, Англии, России и Франции. Шатийонский конгресс потерпел неудачу; предложения мира были только средством дать возможность соединиться армиям Блюхера и князя Шварценберга. Император Александр хотел непременно торжественно вступить в Париж – это должно было вознаградить его за позор Москвы. Герцог Виченцкий тщетно предлагал всевозможные уступки. Союзники только старались выиграть время. Их целью было полное поражение Франции, низложение Наполеона, захват Римского короля, который должен был стать заложником, и учреждение регентства; наследный принц шведский, изменник Бернадотт, казался вполне подходящим регентом.

– Император никогда не согласится на такое регентство, – живо сказала Екатерина. – При своей жизни он не допустит, чтобы кто-нибудь так распоряжался его престолом и его сыном. Или они рассчитывают, что император умрет, что так распоряжаются его наследством?

– Вопрос о наследовании монарху возникает и в том случае, который есть ни жизнь, ни смерть.

– Что ты хочешь сказать этим? Я не понимаю.

– Безумие!

– Но ведь император вовсе не сумасшедший!

– Для вас, для меня, для солдат и крестьян, которые рвутся к оружию, – для всех нас император, разумеется, в здравом уме, и никогда еще его гений не был так удивителен и могуч, как теперь. Но для этих изменников, иностранных агентов, он безумец, или по крайней мере они стараются представить его таковым!

– Это подло! Но кто же эти люди, говорящие таким образом о свободе Римского короля и рассудке Наполеона?

– Это все влиятельные особы, – с горечью ответил ла Виолетт. – Там находятся коварный хромой Талейран, Фуше, который бывает причастен ко всякой измене, герцог Дальберг, оставшийся, несмотря на благодеяния Наполеона, доверенным лицом и шпионом Нессельроде и Стадиона; архиепископ Прадт, интриган, всецело преданный коалиции; кроме того, там же есть тайный эмиссар Бурбонов, которого я не знаю, переодетый курьером; они называли его, кажется, Витроллем. Прекрасная компания иуд-предателей!

– Новая победа императора уничтожит их заговор. Да и императрица не согласится на их замыслы. Кто осмелится сказать ей о регентстве, достигнутом посредством преступного объявления ее мужа сумасшедшим?

– Не рассчитывайте на императрицу! – живо сказал ла Виолетт. – Голос – единственное, что почти невозможно изменить. Послушайте! Только что открылась дверь в конце коридора, где в таком же кабинете, как этот, сидят мужчина и дама. Мужчина переходит из этой комнаты в большую, где сидят заговорщики. Я заметил его переходы туда и обратно и узнал этого человека. Его голос, конечно, напечет вам его имя и прошлое, его желания и стремления. Может быть, вы узнаете и женщину, несмотря на принятые ею предосторожности. Пойдемте!

Екатерина поднялась в волнении, но с минуту колебалась.

– Подслушивать у дверей, – сказала она, – то не совсем прилично для герцогини. А впрочем, дело идет об императоре и спасении государства. Пойдем, – обратилась она к ла Виолетту, – и беда изменникам, если они попадут к нам в руки!

Они осторожно вышли в коридор и подошли к двери кабинета, указанного ла Виолеттом. Екатерина наклонилась к двери и услышала серьезный и мелодичный мужской голос, нежно говоривший слова любви.

– Да, моя прекрасная возлюбленная, – говорил невидимый влюбленный, – пройдет несколько тяжелых дней, а затем наступят для нас недели, месяцы, годы, сияющие счастьем. Вдвоем, вдали от злых, ревнивых, скучных людей в каком-нибудь приятном уединенном уголке – я знаю очаровательные места в Тироле, – среди сельской природы, мы будем жить друг для друга. Пожалее ли вы тогда о том, что всем пожертвовали для меня?

– Я ни о чем не пожалею! – ответил женский голос, полный страсти, и до слуха Екатерины донесся звук горячего поцелуя.

– Я узнала голос, – сказала она ла Виолетту, – это Нейпперг! Несчастный, что он здесь делает? Если его еще раз узнают и схватят, он погибнет!

– Его славный соперник окружен врагами, может быть, уже в плену или убит, а покровители графа Нейпперга находятся в двух шагах отсюда, в салоне, где обсуждается вопрос, объявлять ли безумие Наполеона или регентство Бернадотта. О, Нейппергу нечего бояться!

– Но женщина? Это не Алиса! Кто же это? Боже мой! Неужели...

Ла Виолетт сделал жест негодования и угрозы по направлению к кабинету, где происходила нежная сцена.

– Ее величество императрица! Да, это она, Мария-Луиза, обманывающая одновременно мужа и Францию! Нейпперг передает ее распоряжения изменникам, сидящим в салоне, а ей

сообщает об их надеждах. Она председательствует в этом кабаке на совещании предателей, лишающих Наполеона короны, а разоренную страну защиты.

– Это подлю, ла Виолетт! И мы ничего не можем сделать?

– Через неделю, а может быть, и скорее, казаки будут у заставы Клиши; в этом ресторане будут сидеть русские, прусские, английские генералы. Если Париж не будет защищаться, то погибнет вся слава, приобретенная Францией двадцатилетними победами. Нам будут диктовать законы люди, питающиеся капустой и сальными свечами. Ах! Вся моя преданность вам нужна для того, чтобы оставаться здесь, когда там дерутся! Маршал возложил на меня тяжелое обязательство, приказав мне сидеть здесь сложа руки.

– Ла Виолетт, будучи рядом со мной, ты жалеешь о своем доверенном poste, который может стать более опасным, чем ты думаешь?!

– Я не жалею, я повинуюсь маршалу! Все равно мне хотелось бы поломать несколько казацких пик, черт возьми! Скорее пойдемте! Служанка возвращается; ожидая успеха наших замыслов, нам необходимо закончить наш завтрак, не обнаруживая подозрений по отношению к нашим соседям!

Ла Виолетт увлек Екатерину обратно в кабинет, в то время как она в негодовании бормотала:

– О, эта Мария-Луиза! Решительно, австриячки приносят несчастье Франции.

III

Вечером, накануне того дня, когда герцогиня Данцигская и ла Виолетт завтракали в ресторане дядюшки Лятойя, Алиса, жена полковника Анрио, была погружена в глубокую меланхолию. Сидя на диване в маленькой, изящно мебелированной комнате, принадлежавшей к частным помещениям Тюильрийского дворца, она комкала в руках какое-то письмо.

Император исполнил свое обещание, данное молодой чете, покровительствуемой Лефевром и его женой, и тотчас же после свадьбы Анрио и Алиса заняли видное положение при дворе.

Первый год после свадьбы пролетел для Алисы быстро и показался сплошным праздником. Затем наступила разлука. В Германии шла война, колебавшая трон императора. Анрио последовал за императором в печально окончившийся поход 1813 года.

После короткого свидания с молодой женой полковник снова должен был сесть на коня, чтобы следовать за Наполеоном во всех его битвах в Шампани, наводненной врагами. Бриени, Шампобер, Монмирай, Шато-Тьерри, Вошан, Монтеро были местами блестящих, но мимолетных побед, за которыми следовали непоправимые поражения.

Алиса, разлученная с мужем, окруженная всеми соблазнами пустого и бездеятельного двора, скоро стала предметом ухаживаний некоторых офицеров. Это льстило ее кокетству, но ее сердце оставалось холодно, и она без труда отвергала искания своих поклонников.

Из всех блестящих придворных Марии-Луизы, окруживших вниманием и поклонением молодую женщину, только одному удалось обратить на себя ее внимание и благосклонность; это был граф Мобрейль, которому Талейран сумел вернуть милость императора. Наполеон был в отсутствии и слишком занят для того, чтобы вспоминать о подвигах бывшего шталмейстера королевы вестфальской и той немилости, в которой он находился.

Мобрейль, изящный и обаятельный кавалер, был в большой милости у Марии-Луизы. Злые языки говорили, что этому способствовало рекомендательное письмо ее старого поклонника, когда-то застигнутого Наполеоном ночью в ее комнатах, а именно графа Нейпперга. Мобрейлю приписывали много любовных интриг и успехов. Его репутация привлекла, смутила и покорила Алису. К тому же он сохранял тон старого двора, который всем кружил головы.

В легкомысленной атмосфере императорского двора, утратившего в отсутствие Наполеона строгость и суровость, сменившуюся фамильярностью, хотя и прикрытой торжественностью и строгим этикетом, Алиса, лишенная поддержки мужа, не могла долго устоять. Неизбежное падение совершилось быстро и почти неожиданно. Алиса, мягкая и пассивная, скорее позволила взять себя, чем отдалась.

На следующий день она проснулась точно после долгого сна и с ужасом, недовольная и обеспокоенная, спрашивала себя, действительно ли она стала любовницей Мобрейля. Это случилось так внезапно, почти бессознательно. Мобрейль, как большинство счастливых соблазнительей, явился кстати и с таким расчетом сумел использовать психологический момент, который никогда не наступает для менее ловких людей, что Алиса почти сомневалась в действительности своей вины. Однако измена была совершена, и ничто не могло превратить все происшедшее между нею и Мобрейлем в тяжелый сон, рассеявшийся при наступлении утра.

Любовники – это сообщники, заключившие договор, который не может быть нарушен по произволу. Алисе приходилось терпеть Мобрейля. Его ласки и нежные слова были для нее мукой, которой она не могла избежать. Она не могла заставить себя забыть и не думать об Анрио. Его черты, жесты, звуки голоса, взгляд постоянно представлялись ей с необыкновенной ясностью; она вспоминала, как они по утрам, проснувшись, болтали, хохотали и дурачились в своей уютной комнате. В объятиях любовника она снова переживала счастливые минуты, проведенные с мужем. Отдаваясь Мобрейлю, она бывала вяла и пассивна, печаль, угрызения

совести, стыд обессиливали ее, но потом вдруг точно пьяная женщина, отбрасывающая от себя всякий стыд, она отвечала на его ласки так горячо, точно беззаветно разделяла его страсть. Но если бы в одну из этих минут опьянения Мобрейль мог, приложив ухо к груди Алисы, услышать то, что говорило ее сердце, бывшее рядом с его сердцем, но не для него, он с удивлением услышал бы имя мужа.

– О, мой Анрио! Как я люблю тебя! Как я хочу любить тебя! – шептало сердце бедной Алисы.

Она насиловала свое воображение, отгоняя действительность и стараясь сохранить мечту. Она в объятиях Мобрейля мысленно обнимала Анрио и искала его поцелуев, обманывая таким образом мужа делом, а любовника – мыслью. Анрио владел ее душой, Мобрейль – только телом.

После таких двойственных ласк Алиса забиралась в какой-нибудь темный угол своей комнаты или зарывалась в подушку и после ухода Мобрейля плакала долго и с наслаждением, призывая отсутствующего мужа, которого она только и любила и любовь и уважение которого готова была купить ценой жизни. Казалось, что в эти часы жгучего раскаяния слезы смывали позор измены. Но когда жизнь принимала обычное течение, к Алисе возвращалось сознание своей преступной слабости, а вместе с ним горькие сожаления, отчаяние и гнев. Она вполне сознавала свою измену: Мобрейлю она принадлежала, и те мысленные ласки, которые она посылала далекому мужу, не могли уничтожить действительных поцелуев любовника.

Эта борьба и эта попытка продолжались до начала февраля 1814 года.

Вдруг Мобрейль перестал приглашать свою возлюбленную на свидания маленькими таинственными записочками, производившими на нее впечатление вызова в суд. Он исчез, не сказав ни слова и даже не попрощавшись. Алиса говорила себе: «Он вернется». Но время шло, не принося никаких сведений ни о месте, где он жил, ни о его стремлении возобновить прерванные сношения. Это внезапное и упорное молчание удивляло Алису.

Между ними не произошло никакой ссоры: последнее свидание было таким же, как и все предыдущие; не было ни упреков, ни каких-либо недоразумений. Покидая ее, Мобрейль при последнем поцелуе сказал: «Мы увидимся, вероятно, послезавтра; наш посланный известит тебя!» Но пришел этот день и посланный, один из слуг обер-гофмаршала, не сунул Алисе в руку обычного письма. Будучи скромным, этот человек ответил, что ему нечего передать, так как он ничего не получал от камердинера.

Ясно, что это был разрыв.

Алиса обрадовалась и вздохнула с облегчением, чувствуя себя освобожденной. Кошмар этой тягостной любви рассеивался. Она была свободна от этого человека, которому так неразумно, необдуманно отдалась во власть, и теперь могла спокойно любить своего Анрио. Он не должен был ничего знать или подозревать и таким образом мог продолжать быть счастливым. Она так любила его и готова была искупить свою вину удвоенной нежностью! Счастье возвращалось к ней вместе со свободой.

Но вдруг Алиса испугалась мысли, что это было только временное освобождение. Мобрейль опять вернется, снова подчинит ее себе, и теперь уже надолго, навсегда должна захлопнуться ее клетка.

У Алисы явилось подозрение, что, быть может, отсутствие ее любовника не было добровольным. Она смутно угадывала темные замыслы, в которых участвовал Мобрейль. Он был членом заговора и, может быть, теперь был изобличен и арестован. Однажды после свидания кто-то следил за ними; Мобрейль заметил настойчивое внимание какого-то человека, довольно плохо одетого. Он указал Алисе на этого любопытного, по-видимому полицейского агента. Через несколько дней, посетив жену маршала Лефевра, Алиса заметила того же человека, дружески беседовавшего с ла Виолеттом. Она прекрасно узнала его. На ее вопрос ла Виолетт просто ответил: «Это полицейский агент Пак, мой старый полковой товарищ». Очевидно, ла Вио-

летт не замечал, что его друг Пак занимался шпионством. Алиса решила, что ошиблась, и скоро забыла об этих встречах. Долгое и непонятное отсутствие Мобрейля заставило ее вспомнить об этом, и ее уму тотчас же представилась возможность ареста. Значит, это был только мимолетный отдых; освободившись, Мобрейль снова вернется к ней, и ее страдания возобновятся вместе с горестным рабством.

Но неделя протекала за неделей, а Мобрейль не подавал признаков жизни и ничто не заставляло предполагать возобновления их отношений. Тогда Алиса снова начала надеяться, и радость с утра до вечера наполняла ее душу.

Среди массы новостей, приводивших Париж то в восторг, то в отчаяние, смотря по тому, приближались ли или удалялись союзники, Алиса особенно стремилась найти известие о громадной, блестящей победе, оканчивающей войну, или о заключении мира, чем обеспечивалось возвращение Анрио.

Надежды и радости наполняли ее весельем, когда вдруг забытый уже ею посланец, о котором она перестала и думать, появился перед ней с письмом в руках.

Мобрейль возвращался и писал Алисе. Значит, она не освободилась, нравственный плен должен был продолжаться. Счастье, которое она испытывала, теперь уходило от нее навсегда, и она возвращалась в рабство, которое считала уже окончившимся.

Письмо, которое она вертела в руках, указывало ей ее судьбу: она должна была повиноваться, – ведь она сама выбрала себе господина.

Мобрейль, не объясняя ни одним словом своего отсутствия и возвращения, назначал ей на следующий день свидание в ресторане дядюшки Лятюйя, где они виделись и раньше.

– Я не пойду! – с энергией воскликнула Алиса. – Скорее я убью себя! – При этом она вскочила со своего места, лихорадочно прошлась по комнате и, остановившись, задумалась. Через несколько минут она промолвила: – Нет, я слишком молода, чтобы умереть... Ведь мне придется отказаться от Анрио, которого я люблю и который, ничего не зная, может по-прежнему любить меня. Нет, это невозможно! Умереть? Нет! Мобрейль является препятствием, злом, врагом, его и надо уничтожить, и я его убью!

С этой мыслью Алиса подошла к красивому столику, отделанному позолотой, открыла его, вынула короткий кинжал с изогнутой ручкой, привезенный Анрио из Испании, и спрятав его за корсаж. После этого, зная, что в ее власти освободиться от нового порабощения Мобрейлем, она снова стала весела и даже с нетерпением считала часы, отделявшие ее от свидания. Эта ненавистная встреча в ресторане дядюшки Лятюйя, на которую несколько минут назад она смотрела как на новую муку, теперь казалась Алисе милостью судьбы, неожиданным счастьем, а загородный кабачок представлялся ей местом наслаждений и торжества. Ей хотелось бы уже быть там, где ей предстояло на другой день одним ловким ударом освободиться от своего мучителя и снова вернуть себе право и возможность любить своего Анрио.

Нетерпение волновало кровь Алисы, и она дрожала, как в лихорадке; все ее мысли были направлены к одному – к кабинету в ресторане Лятюйя, где она убьет Мобрейля и, смыв кровью свой позор, снова станет безупречной женщиной, достойной своего мужа.

Алиса ни на минуту не задумывалась над вопросом о том, как она объяснит свое присутствие в этом кабинете и что сделает для того, чтобы укрыться от полиции, когда будет найден труп Мобрейля. Женщины, доведенные любовью до убийства изменника, соперницы или врага, никогда не оглядываются назад.

Среди этих лихорадочных мечтаний и мрачных планов Алиса неожиданно получила приказание явиться к Марии-Луизе, переданное ей секретарем императрицы Меневалем. Она немедленно отправилась к императрице. Как только она вошла, Мария-Луиза поднялась и сделала ей знак следовать за собой в маленькую комнатку, примыкавшую к салону. Здесь императрица вполголоса сообщила Алисе странную вещь.

Она только что получила от императора письмо, которое приказывало ей для облегчения мирных переговоров, прерванных в Шатийоне, отправиться на тайное свидание с уполномоченным австрийского императора. Быть может, последний хотел повлиять в пользу зятя на русского императора, стремившегося уничтожить Наполеона, которого он считал постоянной угрозой для всех государей и которого называл мечом революции, поднятым против всех законных государей. Такому заступничеству много могла содействовать Мария-Луиза. Поэтому она должна была осторожно, не вмешивая в это дело никого из государственных людей, войти в непосредственные сношения с назначенным ее отцом агентом и постараться устроить все как можно лучше для Франции и мужа. Тайна была необходима для того, чтобы дать Наполеону возможность продолжать свои действия под Труа и чтобы, в случае неудачи попытки, отчаяние не овладело армией и народом при известии, что для заключения мира обращались к семейным чувствам и такая просьба была отвергнута.

Наполеон добавлял, что вполне полагается на ум, осторожность и любовь своей супруги, надеясь, что она выполнит в строгой тайне это трудное дело, представлявшее последнюю надежду на спасение в случае неудачи последнего маневра, который он предпринимал против коалиции.

Ему неизвестно было имя человека, которого его тесть посылал к Марии-Луизе, и он даже не знал точно, какие ему даются инструкции. Поэтому он обращался к ее проницательности и искусству, прося ее не пренебречь ничем, что могло бы отвлечь австрийского императора от коалиции и помочь сближению его с зятем и дочерью.

Наконец Наполеон просил Марию-Луизу сообщить ему возможно скорее и точнее о результате свидания, назначенного на восемнадцатое марта в ресторане дядюшки Лятюйя у заставы Клиши.

Офицер, пользующийся его доверием, полковник Анрио, должен был тоже явиться в этот день туда, чтобы получить из рук императрицы ответ уполномоченного императора австрийского.

Алиса почувствовала глубокое волнение, услышав о скором приезде мужа. Анрио будет с нею и защитит ее, придаст ей силы, мужество, уверенность; она больше не будет одинока и беззащитна, находясь во власти нравственных страданий и притязаний Мобрейля... Она чувствовала, что спасена, и только это она поняла из всех слов императрицы. Ее не интересовали ни австрийский император, ни его таинственный посланец, ни война, ни мир. Анрио возвращался, Мобрейль утрачивал всякую власть над нею, и она наконец становилась свободной...

Мария-Луиза, по-видимому, тоже находилась в сильном волнении, которое она старалась побороть. Время от времени императрица поворачивала голову в сторону зала, где дамы щипали корпию для раненых. С беспокойством всматривалась Мария-Луиза в их физиономии, чтобы уловить по выражению их глаз, заметили ли они, догадываются ли, о чем она говорит со своей статс-дамой.

Алиса слегка наклонила голову в ответ на слова императрицы, всем своим видом показывая полнейшую готовность повиноваться; но в сущности она почти не слышала того, что говорила Мария-Луиза; ее мысли были очень далеко. Но одно слово, произнесенное императрицей, вывело молодую женщину из области мечтаний и вернуло к действительности: это слово было «Анрио».

– Итак, – продолжала Мария-Луиза, – вы запретесь в своей комнате, никому не откроете дверь, постараетесь избежать малейшего шума, чтобы никто не мог догадаться о вашем присутствии во дворце Тюильри; все должны думать, что вы отправились в ресторан «Лятюй» на свидание с мужем, который будто бы тайком ушел из лагеря, чтобы повидаться с вами.

– Я исполню приказание вашего величества! – пробормотала Алиса, вся дрожа.

– Мы приблизительно одного роста, – продолжала развивать свой план Мария-Луиза. – Я надену густую вуаль, меня никто не узнает, все подумают, что это вы. Я, конечно, надеюсь

на вашу скромность и рассчитываю на присутствие в ресторане вашего мужа, а он, я думаю, сумеет ввести в заблуждение тех, кто выказал бы попытку шпионить за мной.

– Вы можете положиться на меня, ваше величество, – ответила Алиса, – а за своего мужа я вполне ручаюсь.

В то же время молодая женщина никак не могла побороть тревожные мысли.

«Если я запущу тайно в своей комнате, – думала она, – я не приду на свидание с Мобрейлем, назначенное там же. Он будет ждать меня. Видя, что меня нет, он начнет расспрашивать прислугу, не приходила ли в ресторан какая-нибудь дама, и таким образом вместо меня найдет императрицу. Может произойти ужасно неприятная история».

Мария-Луиза, ничего не зная о беспокойстве своей собеседницы, дружески простилась с ней, нежно пожимая ее руку.

– Отдайте, пожалуйста, женщине, которую я пошлю к вам, – прошептала она на ухо Алисе, – свое пальто, в котором чаще всего выходите, чтобы не возбудить подозрений в ресторане; кроме того, в вашем костюме мне будет легче выйти инкогнито из дворца. Но особенно убедительно прошу вас сохранить полнейшую тайну. Я передам полковнику Анрио ваш поклон.

Алиса была ошеломлена доверием Марии-Луизы и страшно испугана возможностью встречи Анрио с Мобрейлем. Ее тревожила также мысль, что секретный посланец австрийского императора может увидеть в ресторане французскую императрицу.

Войдя в свою комнату, молодая женщина села в изнеможении на диван и с лихорадочным волнением обдумывала сложный вопрос, идти или не идти на свидание с Мобрейлем. Если она отправится в ресторан, она нарушит слово, данное императрице, обманет ее доверие и даже скомпрометирует ее; если же она разоблачит то, что посоветовал Наполеон и что должно было остаться для всех тайной, она может подвергнуть императора большим неприятностям. Если план Наполеона не удастся, то, согласно разговору, бывшему при свидании обоих императоров, французский народ и армия узнают, что их император не может рассчитывать ни на какую помощь со стороны Австрии. Враги Наполеона утверждали, что брак солдата Бонапарта с австрийской эрцгерцогиней может быть расторгнут в тот момент, когда счастье повернется к нему спиной. Принцесса могла снизойти до простого смертного, когда он играл первенствующую роль в Европе, но как только он лишится силы и власти, ничто не заставит Марию-Луизу оставаться при муже. Так рассуждали в Австрии, но во Франции не должны были знать об этом.

«Как верноподданная и как приближенная императрицы, я должна оказывать ее величеству повиновение и глубочайшую преданность, – думала Алиса, – а потому мне следует сидеть безвыходно в своей комнате. Но что произойдет в ресторане в мое отсутствие? Мобрейль вместо меня встретит императрицу и узнает тайну, которая должна быть тщательно скрыта от всех врагов Франции. Я чувствую, что Мобрейль – человек вероломный, он несомненно участвует в заговоре, в центре которого находится Мария-Луиза. Его долгое отсутствие и молчание не предвещают ничего хорошего. Наверно, он обделяет какие-нибудь темные дела для тех лиц, которые покровительствуют союзникам. Я должна по мере сил воспрепятствовать этой новой измене. Ввиду того что я не могу предупредить императрицу, – так как мне пришлось бы при этом очернить себя и рассказать о недостойной слабости, отдавшей меня в руки ненавистного Мобрейля, – я вынуждена тоже отправиться в ресторан, чтобы следить за этим человеком и помешать ему привести в исполнение его злостные намерения. Да, мой долг, долг француженки и патриотки, заставляет меня нарушить слово, данное императрице. Да, я пойду, тем более что, раз я знаю, что Анрио там, я не могу оставаться во дворце. Я должна поцеловать своего мужа и сказать ему, как сильно я люблю его».

Вдруг страшная мысль пришла в голову молодой женщине и заглушила радость, охватившую было ее при сознании, что она на другой день увидит любимого человека, с которым рассталась несколько месяцев тому назад.

«А что, если Мобрейль в присутствии Анрио или где-нибудь недалеко от него, так что можно будет видеть и слышать, вздумает предъявлять права на меня, которые я предоставила ему в минуту слабости? – подумала Алиса, вся содрогаясь. – Впрочем, здесь у меня хранится испанский кинжал, – мысленно прибавила она, прижимая руку к груди, – и мне нечего бояться Мобрейля!»

Как бы желая рассеять мрачные предчувствия, Алиса быстро поднялась с дивана и прошла в соседнюю комнату, где в колыбели спал хорошенький, с розовыми щечками, грудной ребенок. Молодая женщина наклонилась над колыбелью и тихонько, так, как бабочка касается крылышком цветка, прижала свои губы к спокойному лобику ребенка.

– Этот поцелуй, мой дорогой ангел, – прошептала она, – я передам завтра твоему отцу.

IV

17 марта 1814 года возле деревни Торси у ворот маленькой мызы собралась толпа крестьян. Мыза помещалась на небольшом холме; она была обнесена забором, а возле дома находились конюшня, овин и сарай. Этим скромным имуществом пользовался хлебопашец, бывший раньше на службе у маршала Лефевра, в его имении Комбо. После женитьбы Жан Соваж – так звали обладателя фермы – переехал сюда ради своей жены, так как она была родом из Торси и эта мыза принадлежала раньше ее старой матери.

Жан Соваж отличался большим умом и развитием, чем значительная часть обитателей этой местности. Он вступал в разговор с учителем школы и спорил со священником в церковной ограде, где резвились крестьянские дети.

Находясь на службе в Комбо, Жан Соваж влюбился в молодую девушку, Огюстину, помощницу прачки. Но она отдала предпочтение Сиге, солдату-ординарцу маршала. Блестящий мундир гусара играл не последнюю роль в этом.

У Жана Соважа была репутация отчаянной головы. Он не стеснялся высказывать смелые взгляды; во время свадьбы полковника Анрио, когда крестьяне пировали в саду, он громко осуждал императора и доказывал крестьянам нелепость войны. Екатерина Лефевр, проходя по аллее, слышала этот разговор; она возмутилась, но не отказала от места Жану Соважу, так как он был очень честен и трудолюбив. Несмотря на свою резкую откровенность, Жан ни с кем не ссорился и на него не поступало никаких жалоб.

Маршал Лефевр не особенно дружелюбно относился к независимому и рассуждающему крестьянину; все его симпатии были на стороне гусара, и потому он охотно согласился на его брак с прачкой Огюстиной, а также сделал невесте хороший подарок и полное приданое. В глубине души Лефевр гордился тем, что мундир солдата одержал верх над блузой крестьянина.

– Этот урод Жан Соваж, – улыбаясь, сказал герцог Данцигский, – со своими миролюбивыми идеями наградил бы нас потомством с куриной кровью; а Сиге, как храбрый солдат, подарит императору целый отряд маленьких гусаров, которыми будет командовать Римский король.

Брак Огюстины и Сиге состоялся; прачка покинула Комбо и переехала с мужем в Торси, на ферму своих родителей. Когда возобновилась кампания в 1813 году, Лефевр потребовал к себе своего ординарца накануне боя при Дрездене. Сиге попал в засаду и погиб. Его тело не могли отыскать, но на опушке леса нашли его сумку; она была вся вывернута и разорвана. Повидимому, несчастный курьер был схвачен на этом месте прусскими аванпостами и затем расстрелян. Перед отъездом в армию Сиге встретился с Жаном Соважем. Указывая на молодую, расстроенную жену, солдат сказал крестьянину:

– Если неприятельская пуля сразит меня, дружище Жан, если мне не суждено будет увидеть мою жену и ребенка, то...

– Брось эти глупые мысли! – прервал его Соваж. – Ты вернешься целым и невредимым, как и всегда.

– Возможно, но послушай, Жан, что я тебе скажу. Ты хороший, четный работник. Правда, ты немного упрям, но сердце у тебя прекрасное. Ты любил Огюстину. По-настоящему она должна была бы выбрать тебя, а не меня.

– Огюстина поступила так, как нашла нужным, – возразил Жан, – я не осуждаю ее. Она умная женщина, такая подруга жизни, какую можно пожелать каждому.

– Она не могла выйти за нас обоих, – философски заметил Сиге, – и теперь, обдумав многое, я решил, дружище, что было бы лучше, если бы она вышла за тебя.

– Ты думаешь? – с горечью переспросил Соваж. – Но скажи, пожалуйста, почему ты находишь, что Огюстине следовало предпочесть меня?

– Потому что я солдат, который по первому требованию должен вскинуть на плечо ружье и отправиться бог знает куда, а ты, дружище, воюешь только с травой и деревьями. Ну, оставайся на своей земле и заготавливай для нас хлеб. Мы, солдаты, постараемся, чтобы русские казаки и уланы не утащили его у нас из-под носа. Но я затеял разговор совсем не для того, чтобы рассуждать о наших почтенных профессиях. У меня есть к тебе большая-большая просьба: ты можешь оказать мне огромную услугу, Жан.

– Говори, в чем дело? – нетерпеливо спросил Соваж.

– Видишь ли, если я не вернусь назад, – а у меня есть предчувствие, что не вернусь, – я хотел бы, чтобы ты женился на Огюстине и заменил моему ребенку отца. Скажи, ты согласен исполнить мою просьбу? Огюстина полюбит тебя – у женщин это делается скоро, – а мой мальчик даже не будет знать о моем существовании, он еще так мал. Ты станешь для него родным отцом. Итак, я надеюсь на тебя, дружище Жан. А теперь прощай!

Подавив вздох и вытерев слезу, Сиге быстро пожал руку своему бывшему сопернику, а теперь другу, вскочил на лошадь и поскакал по направлению к германским владениям, откуда больше не вернулся.

Жан Соваж сделался мужем Огюстины и отцом маленького Сиге. Через некоторое время у Жана родился собственный сын, и оба мальчика росли вместе, довольные и счастливые.

Все вышло так, как предсказывал гусар Сиге.

17 марта 1814 года Жан Соваж, непримиримый враг войны и слишком воинственного императора, держал в руках ружье. Его окружали крестьяне, вооруженные чем попало. Не у всех были ружья, но отвага и решимость светились на всех лицах, несмотря на то, были ли у них заступы, вилы, железные ломы или огнестрельное оружие.

– Вы знаете меня, товарищи, – сказал Жан Соваж, обращаясь к крестьянам, – мне не нравилось то, что происходило в нашей стране. Я находил налоги слишком большими, а плату за наш труд слишком незначительной. Я не принадлежал к числу людей, ослепленных светом нашей славы. Разделяя удовольствие всех по поводу одерживаемых побед, я в то же время желал меньше трофеев для инвалидов и побольше хлеба для наших амбаров. Да, я все время выступал против тех, кто вовлекал нас в бесконечные войны, кто разбросал по Испании и русским степям французские кладбища. Сегодня же вы видите меня с ружьем в руках, с патрон-ташем у пояса. Теперь я говорю всем вам, страдавшим от того же, от чего страдал и я: «Вооружимся чем можем и пойдем на врага! Возьмем ружья, если они у нас есть: возьмем вилы, а если они окажутся негодными, – так как ими приходится мало работать в течение уже многих лет, – возьмем палки, будем драться кулаками; защищать даже зубами нашего императора!» Вас, может быть, удивляют мои слова, товарищи?

Конфузливый, но вместе с тем одобрительный шепот пронесся среди крестьян.

– Я хочу объяснить вам, мои друзья, почему я заговорил сегодня на незнакомом вам языке, – продолжал Жан Соваж. – Не я изменился, а изменился Наполеон. Сначала он сражался из-за личных интересов, для трона, лично для себя, для своего наследника, для братьев, для маршалов. Он защищал до сих пор лишь свою славу, теперь же он защищает Францию. Наша родина находится в смертельной опасности. Пожелаем, чтобы император здравствовал для того, чтобы разбить Блюхера и Шварценберга и прогнать нападающих на ту сторону Рейна. Мы должны все собраться вокруг Наполеона, который чудесным образом не склоняется перед ужасными богемской и силезской армиями, имея в своем распоряжении лишь горсточку солдат, преимущественно рекрутов. Среди них есть мальчики шестнадцати лет, не умеющие даже заряжать ружье. Да, друзья мои, это очень тяжелая война. Мы должны показать русским казакам, что мы, французские крестьяне, можем быть храбрыми солдатами, когда нам приходится защищать нашу землю, наши жилища. Пойдемте, товарищи, к ферме «Божья слава». Вы увидите там, что такое война, и поймете, почему я позабыл о том, что Наполеон был деспотом

и слишком сильно любил битвы. Я помню теперь лишь одно: он любит Францию и защищает ее. Вперед, жители Торси!

Жан Соваж поднял ружье и во главе покорных деревенских героев направился к ферме «Божья слава».

V

Бессмертная французская кампания 1813 и начала 1814 года близилась к развязке во второй половине марта. Союзники с большими препятствиями продвигались вперед к незащищенной Франции, которая держалась только благодаря гениальности Наполеона. Но он не мог быть вездесущ, и там, где он отсутствовал, отсутствовала и победа. Наполеон разбил пруссаков в Сен-Дизье, русских в Бриенне, разгромил силезскую армию и отодвинул назад войско Блюхера при Монтере. Враги начинали беспокоиться. Император Александр беспрестанно поглядывал в сторону Рейна и тревожно спрашивал, возможно ли отступление. Никогда еще Наполеон не выказывал таких блестящих способностей, как в эту памятную войну, которая была верхом военного искусства. Хорошо организованным европейским массам Наполеон мог противопоставить лишь остатки своей старой и новой гвардии да горсть молодых безусых добровольцев. Но в своих бюллетенях он тщательно скрывал недостаток войск.

«Вероятно, вы потеряли голову в Париже, – писал он герцогу Ровиго после победы при Вошане, – что сообщаете, что мы дрались по одному против трех. Я всюду распространяю слух, что в моих рядах находится триста тысяч войска, а вы одним взмахом пера уничтожаете хорошие результаты победы. Вы должны знать, что тщеславие здесь неуместно, и первое военное правило заключается в том, чтобы скрыть от неприятеля количество войск, заставить его думать, что это количество очень велико».

Подобная ложь и сверхчеловеческие усилия помогали Наполеону сдерживать вторжение неприятеля. Коленкур, герцог Виченцкий, боролся в свою очередь в качестве полномочного посланника с представителями союзных войск, которые были более склонны подписать мир, чем продолжать войну. Он надеялся, что проигранное сражение настолько ослабит силу Наполеона, что уже больше не придется бояться каких-нибудь непредвиденных выходов с его стороны.

14 марта Наполеон снова выиграл сражение в Реймсе. Генерал Сен-При, командовавший тремя русскими дивизиями и одной прусской, был отодвинут назад. Двадцать пушек и пять тысяч пленников были результатом этой победы. Сен-При, такой же изменник, как и Моро, был сражен пулей того же стрелка, который попал в битве при Дрездене в бывшего республиканского генерала, перешедшего затем к роялистам и сражавшегося в рядах пруссаков.

– Ловкий стрелок! – воскликнул Наполеон, очень довольный тем, что избавился от двух значительных врагов.

Пока производили ампутацию Сен-При, его войска покинули Реймс и в него вошел Наполеон со своей старой гвардией. В городе зажгли иллюминацию, и восторженные возгласы: «Да здравствует император!» оглашали ночной воздух и достигали кабинета Наполеона, где он сидел за работой.

Около семи часов император позвал одного из своих адъютантов и приказал ему:

– Попросите сейчас же ко мне герцога Данцигского!

Старая гвардия, священный батальон, никогда не покидала в это тревожное время своего императора.

Маршал Лефевр сейчас же прибежал, сильно взволнованный.

– Все идет прекрасно, мой старый товарищ, не беспокойся ни о чем, – весело приветствовал его Наполеон, – неприятель отступает. Мы останемся здесь еще дня два, чтобы восстановить связь с Эперне, Суассоном. Я приказал, чтобы сюда пришла дивизия, находящаяся в Меце. Эти двенадцать тысяч человек будут большим козырем в наших руках. Кроме того, Денуэтт пришлет мне четыре тысячи солдат из Парижа.

– Вы получили письмо от императрицы, ваше величество? – спросил Лефевр.

– Нет, оно от брата Жозефа, – ответил Наполеон, и облако грусти промелькнуло на его лице.

Мария-Луиза, совершенно равнодушная к делам Наполеона, мало заботилась о своих обязанностях регентши и очень редко писала мужу. Ее молчание удручало Наполеона. Он постоянно думал о молодой австриячке, которая уже забыла о нем, между тем как он горячо любил ее. Стараясь побороть свою грусть, император продолжал рассказывать Лефевру новости, сообщенные ему братом.

– Сведения о настроении парижан превосходные, – сказал он, – народ лишь жалуется на мэров, которые мешают ему защищаться. Еще одна победа – и я наведу должный порядок. Обитатели Парижа знают, что такое честь. Не забудь распорядиться, чтобы на Монмартре были приготовлены пушки для защиты стен Парижа.

– Будет исполнено, – ответил Лефевр. – Разве вы думаете, что возможна осада Парижа, ваше величество?

– Да, все возможно! Но Париж станет защищаться. Парижане не признают авторитетов, не терпят полиции, но питают священный ужас перед нашествием иностранцев. Они не доверяли мне, когда я был могуществен и когда вся Европа склонялась к моим ногам, но теперь они поддержат меня, увидев, что Россия, Пруссия и Австрия двигают свои войска к берегам Сены. Я рассчитываю на патриотизм и силу национальной гвардии в Париже.

– Возбужденные несчастьем, которое грозит стране, они будут драться, как герои! – воскликнул Лефевр. – Я их знаю, я видел их. Ведь я был когда-то лейтенантом национальной гвардии. Правда, это было очень давно! – со вздохом прибавил герцог Данцигский.

– Может быть, ты кончишь тем, чем начал, – заметил император. – Может быть, тебе придется быть сержантом небольшого отряда солдат, отданного под твою команду! А мне, может быть, придется самому прицеливаться из последней пушки в неприятеля, – пошутил Наполеон. – Право, это будет недурной конец для императора и французского маршала. Однако нам еще далеко до этого. У меня есть проект, прекрасный проект, ты потом увидишь. Я уверен, что парижане останутся довольны мной.

– Вы собираетесь, ваше величество, пойти на помощь Парижу? – спросил Лефевр.

– Не совсем так, – ответил Наполеон. – Я хочу спасти Париж, отвернувшись от него.

– Я не понимаю...

– Тебе и нечего понимать, – прервал маршала император, – твоя жена тебе все объяснит, когда мы вернемся победителями. Она умней тебя. Надеюсь, что твоя милая герцогиня Сан-Жень здорова? Вы все еще счастливы в своем супружестве?

– О да, очень! Катрин клялась мне, что разлюбит меня в тот час, когда изменит императору. Это значит никогда! – уверенно ответил Лефевр.

– О, вы оба хорошие, верные солдаты! К сожалению, вокруг вас царит вероломство. Ты знаешь, что этот безумный негодяй Бернадотт приехал в Льеж. Он вступил в сношения с Бенжаменом Констаном – любовником тяжеловесной старухи де Сталь, которая угощает его кнутом между двумя поцелуями. Император Александр уверяет этого Бернадотта, сделавшегося шведским наследным принцем, что при его помощи он может овладеть французским тронem. И тот верит; я тебе говорю, что он совершенно сошел с ума. У него в голове безумие, а в душе – измена. Но не один он выказал себя изменником. Все те, кого я вытащил из ничтожества, поставил на самые высокие ступени общественной лестницы, отвернулись от меня; они теперь дают мне коварные советы. Они хотят, чтобы я заключил мир; но разве это возможно? Коленкур сказал им, что я приму то, что будет согласно с моей честью и достоинством Франции. О боже, какая двуличность! И мои маршалы заодно с изменниками.

– Не все, ваше величество! – возразил Лефевр.

– Я знаю, что есть исключения. Но кто бы мог подумать, что Ней, который сражается, как демон, Макдональд и Ожеро, которых я произвел в маршалы, начнут повсюду говорить,

что я – единственная причина европейской смуты, что я являюсь препятствием для спокойствия народов? Они хотят заставить меня отказаться от престола; они, может быть, даже надеются довести меня до самоубийства. Но я никогда не сделаю этой глупости. У меня достаточно энергии и силы воли; я им еще покажу себя!

– Ваше величество, вы не должны придавать значения словам, вырвавшимся в минуту неудовольствия. Несомненно, что среди великих полководцев империи существует некоторая неуверенность, колебания, но об измене не может быть и речи.

– Ты ошибаешься. Заговор уже на полном ходу. Изменники хотят захватить императрицу в виде заложницы и провозгласить императором моего сына вместо меня! Глупцы, я больше всего желаю восшествия на престол Наполеона Второго. Это – моя надежда, моя цель, моя мечта! Для царствования моего сына, который будет либеральным и миролюбивым правителем, я в течение трех лет дал двадцать пять сражений; для Наполеона Второго я веду настоящую неравную борьбу, отстаивая каждый клочок земли, принадлежащей Франции. Но мои недруги слишком торопятся; они нетерпеливее меня. Пусть они предоставят мне свободу действовать. Я должен сначала соорудить трон для моего дорогого маленького Римского короля. Наполеон Второй будет управлять свободными и мирными французами, при нем границы Франции должны простираться до самого Рейна. Я нуждаюсь в твоей помощи, мой старый товарищ, – прибавил император, нервно пожимая руку Лефевра. – Твои гренадеры охраняют меня от враждебных покушений, в их присутствии я совершенно спокоен за свою жизнь; но мне хотелось бы, чтобы в эту минуту ты был в Париже, возле моей жены и сына, которые подвергаются большой опасности.

– Вы желаете, ваше величество, чтобы я передал команду Удино, а сам отправился сейчас же в Париж? – живо спросил Лефевр.

– Нет, твое присутствие возле меня теперь более необходимо, чем когда бы то ни было. Я задумал великий шаг. Может быть, мои враги будут сконфужены, тем, что я собираюсь сделать. Но прежде всего я должен предупредить о своем проекте императрицу и брата Жозефа. Найди мне, Лефевр, человека, очень ловкого и преданного, он должен передать это письмо моему брату. Прочти его, тогда ты поймешь, в чем дело, – прибавил Наполеон, доставая из кармана листок бумаги.

Маршал познакомился с содержанием письма, которое оказало сильное влияние на судьбу Европы и послужило извинением для пагубного бегства императрицы. Письмо гласило следующее:

«Реймс, 10 марта 1814 г.

Дорогой брат! Согласно инструкциям, данным Вам устно и во всех моих письмах, Вы ни в каком случае не должны допустить, чтобы императрица и Римский король попали в руки неприятеля.

В моих дальнейших действиях может случиться так, что Вы в течение нескольких дней не получите от меня никаких известий.

Если неприятель приблизится к Парижу с такой силой, что всякое сопротивление окажется невозможным, отправьте в округ Луары императрицу, моего сына, придворных лиц, министров, барона Бульери и все богатства. Не покидайте моего сына: помните, что я предпочел бы видеть его в Сене, чем в руках врагов Франции. Судьба Астианакса, пленника Греции, казалась мне всегда самой печальной из всех исторических рассказов.

Любящий Вас брат Наполеон».

Лефевр был растроган этим письмом, больше похожим на завещание.

– Раз императрица и король Римский должны оставить Париж, значит, дело нешуточное, – пробормотал маршал. – Если Париж возьмут, это будет ужасно!

– Все – дело чувства! – возразил император. – Париж совершенно не укреплен. Его могут защитить лишь мужество обывателей и штыки национальной гвардии. Было бы жестоко и бесполезно подвергать нашу прекрасную столицу всем ужасам бомбардировки. Для того чтобы сохранить за собой такую большую площадь, врагу придется рассеять часть своей армии. В это время я начну действовать с тыла. Если Париж будет взят, это еще не значит, что Франция побеждена. Прусский и испанский короли, а также и русский император не считали себя окончательно покоренными, когда мы были в Берлине, Москве и Мадриде. О, если бы я был уверен, что Париж может сопротивляться! Если он продержится только две недели – Франция будет спасена! Как я сказал, мне придется действовать вдали от Парижа.

– Значит, столица потеряна! – в отчаянии воскликнул Лефевр.

– Одна или две победы отделяют от Парижа неприятеля. У меня есть план, я надеюсь на его успех, но для этого меня не должно мучить беспокойство за участь императрицы и моего сына. Укажи человека верного, на которого я могу вполне положиться, я пошлю его в Париж.

– Я могу назвать вам, ваше величество, полковника Анрио.

– Мужа прелестной Алисы, статс-дамы моей обожаемой жены? Да, этот выбор прекрасен. Позови ко мне полковника Анрио, а сам, мой храбрый товарищ, готовься к смелому выступлению, самому трудному из всех тех, которые мы проделали с тобой до этих пор.

– В этом выступлении мы отдалимся от Парижа; вы, кажется, так сказали, ваше величество?

– Да, мы отвернемся от Парижа и неприятеля; это лучшее средство покорить врага.

– Я ничего не понимаю! – пробормотал Лефевр, широко открывая глаза.

– А разве ты раньше что-нибудь понимал? Но это не мешало тебе одерживать победы! Вернись к своим старым привычкам. А пока пришли скорее полковника Анрио – время не терпит.

Лефевр вышел, а Наполеон приказал своему лакею приготовить ванну. В течение тридцати часов император не отдохнул ни минуты. Вошедший адъютант доложил, что курьер просит дать пакеты, отсылаемые в Париж. Ежедневно в столицу Франции посылался человек с распоряжениями Наполеона, но не всегда ему удавалось благополучно добраться до Парижа. Часто неприятельские аванпосты схватывали курьера, опустошали ему сумку и убивали. Наполеон не хотел доверить обычному курьеру письмо, прочитанное маршалу, и ограничился лишь тем, что прибавил к обычным депешам несколько строк, адресованных Марии-Луизе.

Нужно было принять меры, чтобы обмануть неприятеля и предупредить возможность ареста Анрио.

Наполеон придумал для этого написать письмо жене, в котором поручал ей просить австрийского императора отнестись благожелательно к переговорам и посодействовать заключению почетного мира. Однако он прекрасно знал, что просьба Марии-Луизы не приведет ни к чему; он не сомневался в настоящих чувствах тестя к своему зятю. Австрийский император не раз говорил ему, что опыт столетий показывает, что семейные отношения должны уступать государственным интересам. А интересы Австрии были далеки от Наполеона и его супруги в эти дни несчастья!

Поручение, даваемое императрице Наполеоном, должно было ввести в заблуждение неприятеля, если бы его курьер был схвачен и письмо прочитано. В этом письме сообщалось между прочим, что полковник Анрио приедет в Париж за ответом. Содержание именно этого послания Мария-Луиза и прочла Алисе.

Заклеив конверт и отправив курьера, Наполеон написал Марии-Луизе секретное письмо, в котором извещал о своем решении и о поручении, данном Жозефу, произвести смелый и неожиданный маневр. Ей он сообщил свой план во всех его деталях. Дело касалось похода на Восток. Пусть неприятель подвигается к Парижу, но сам он бросится к Мецу, к Вердену, снимет гарнизоны Майнца, Люксембурга, Тьонвиля, Страсбурга и составит из них тридцатитысячный

корпус, к которому присоединит 15 тысяч человек из нидерландского резерва. Наконец Сюше, заменив крайне двусмысленно ведущего себя Ожеро, сможет довольно быстро подвести ему свой корпус в 40 тысяч человек. Встав во главе всех этих соединенных сил, Наполеон энергично поведет защиту отечества, отрежет союзникам отступление и уничтожит их между Эльзасом и Шампанью. Таким образом полем его действий станет Лотарингия. Там, подобно битве на Каталонских равнинах, северные завоеватели будут разбиты, и Франция спасена.

Этот великолепный, отважный план был вполне осуществим, и если бы не измена, дал бы свои результаты.

Покончив с диспозициями и успокоившись за судьбу жены и сына на время проектируемого им восточного похода, Наполеон приказал ввести полковника Анрио.

Вручив ему эти важные и конфиденциальные послания, Наполеон посоветовал ему пробираться в Париж с крайней осторожностью. Лучше было затратить больше времени на выполнение поручения, чем попасть в руки неприятеля.

Анрио поклялся, что во что бы то ни стало доберется до императрицы или умрет.

– Дело не в том, чтобы умереть, а чтобы вручить эти письма моему брату и регентше, пробившись через неприятельские линии, и вернуться обратно в главную квартиру, где вы можете еще понадобиться мне!

Анрио безмолвно поклонился в ответ. Император недолюбливал болтливости в таких делах, где требовалась только преданность.

Затем Наполеон продолжал:

– Бесплезно, а, может быть, даже и опасно пробираться в сам Париж, так как измена кишит в моем дворце и окружает императрицу и Римского короля. Я предупредил императрицу, что вы будете ждать ее в таком месте, где никто ничего не заподозрит, у парижской заставы, около ресторанчика, который содержится неким Лятюем.

– А, дядюшкой Лятюем, у заставы Клиши? Знаю, ваше величество.

– Там вы встретите императрицу. Она тайно проберется в этот ресторанчик, где вы сможете на свободе выполнить ваше поручение. Ступайте, полковник, и да хранит вас Бог!

С этими словами Наполеон протянул руку молодому офицеру, и тот с радостью и почтением пожал ее.

Затем Наполеон позвонил лакею и с удовольствием погрузился в приготовленную для него ванну, пробормотав:

– В Эльзасе и Лотарингии я освобожу Францию. А разбив врагов, я явлюсь в Реймс, чтобы короновать там сына!

VI

Совещание, обнаруженное ла Виолеттом в большом кабинете рестораника дядюшки Лятойя, подходило к концу.

Собравшиеся там люди не сходились, быть может, во взглядах и намерениях; но их объединяла общая цель: воспользоваться несчастьем родины, вражеским нашествием, удалением Наполеона, слабостью его брата Жозефа, безразличием Марии-Луизы, всеобщим равнодушием, усталостью парижан, желанием отдыха, выраженным маршалами, чтобы свергнуть императора и противопоставить ему новый образ правления.

О Бурбонах в то время не было еще и речи, и реставрация их казалась немыслимой; вопрос о возвращении лилии на французское государственное знамя официально возник гораздо позднее, а пока что таился в умах заговорщиков-роялистов.

На этом сборище иуд председательствовал Талей-ран, который с непоколебимым хладнокровием руководил прениями присутствующих.

Среди последних, как совершенно точно ла Виолетт перечислил Екатерине Лефевр, находились: архиепископ Прадт, бывший эмигрант, осыпанный милостями Наполеона и сделанный им императорским духовником; Луи, бывший член парижского парламента, пожалованный Наполеоном баронским титулом и назначенный им государственным казначеем; герцог Дальберг, немецкий барон, осыпанный Наполеоном золотом; Фуше, плутовством пробившийся в люди и старавшийся в данном случае не прогадать от измены и извлечь как можно больше личной выгоды от перехода на сторону той или другой партии; и наконец – барон де Витроль, побывавший у русского императора и пробравшийся сквозь цепь наполеоновских войск, а потому привезший самые свежие новости о намерениях последнего.

К нему-то и обратился Талейран, спрашивая его мнение.

– Вы настаиваете на том, что Наполеон пропадет, если в столице окажется серьезно организованная партия, готовая лишить его власти?

– Я уверен в этом. Я объехал весь восток, Шампань, Франш-Конте, Лотарингию. Крестьяне воодушевлены до последних пределов – они повсеместно хватаются за оружие. Если Бонапарту удастся объединить, организовать и направить всю эту массу патриотов в тыл союзной армии, то последним не выбраться из Франции. В Лотарингии или Франш-Конте их ожидает могила!

– Значит, согласно вашему мнению, следует помешать Наполеону стать во главе партизан этих областей? Но как сделать это?

– Лишить его Парижа!

– Парижане, – сказал архиепископ Прадт, – только и желают, чтобы их избавили от Наполеона, но им надо помочь в исполнении этого желания. Ах, если бы союзники пробрались в долину Сен-Дени!

– Они могут появиться там через несколько дней, – заметил герцог Дальберг, – для этого достаточно, чтобы Наполеону пришлось принять сражение, которое не допустило бы его появления в столице.

– Главное, нужно чтобы столица не защищалась, – заметил Фуше, – а этого нетрудно добиться!

– Можете ли вы сообщить нам, на чем зиждется ваше предложение о возможности лишить Париж желания защищаться? – осведомился Талейран.

– О, в данном случае я пользуюсь простыми сопоставлениями, – уклончиво ответил улыбавшийся Фуше. – Во всяком случае, нетрудно будет найти такое лицо... например, одного из маршалов, который согласится подписать капитуляцию.

– Но его надо сначала найти! – сказал Талейран.

– Мне кажется, что я уже нашел его. Но главное вот что: допустим, что капитуляция подписана. Что же потом? И какую судьбу готовите вы Наполеону? Заставите ли вы его отречься от короны? Но в таком случае кого вы предполагаете сделать его наследником? Будет ли продолжено регентство?

– Я предполагаю, что Наполеон должен отречься в пользу Римского короля. В течение детства нового императора можно будет использовать мирное время и сделать много хорошего для страны.

– Восстановить принцев! – сказал барон Луи.

– И религию тоже! – прибавил архиепископ Прадт.

– Регентство не годится для этой страны, господа, – воскликнул герцог Дальберг. – Империя, достигшая вершины могущества, не может удержаться на ней, если попадет в женские руки. Ребенок не может с достоинством нести корону и меч, брошенные Наполеоном. На этот военный трон, который, благодаря союзникам и нам, скоро станет вакантным, можно посадить только солдата.

– Можете ли вы предложить нам такого военного, кандидатура которого на вакантный престол оказалась бы приемлемой? – кисло-сладким тоном спросил Талейран.

Втайне Талейран был приверженцем регентства, которое должно было быть провозглашено после отречения Наполеона. Вице-президент совета, первый сановник империи, он рассчитывал стать настоящим правителем государства, действуя от имени малолетнего Римского короля. Поэтому он враждебно относился к мысли, в данном случае выраженной герцогом Дальбергом, и хотел заставить герцога высказаться подробнее, чтобы поймать его на деталях и доказать неисполнимость такого плана.

Герцог Дальберг продолжал:

– Я стою на той точке зрения, что только военный может наследовать трон Наполеона, и притом такой военный, который пользуется симпатиями наших освободителей и имеет доступ к монархам-союзникам. В то же время необходимо, чтобы он пользовался славой хорошего воина, чтобы его прошлое не отпугивало старых республиканцев, людей, бредящих равенством, подозрительно относящихся к древней родовой аристократии и способных пойти на вооруженное восстание, только чтобы не допустить реставрации прежней монархии. Господа, в ком же вы встретите такое счастливое сочетание заслуг и качеств, как не в славном князе Понтекорво, ныне наследнике шведского трона, великом воине современности, маршале Бернадотте?

– Не произносите так громко этого имени, дорогой герцог, – поспешно сказал Талейран. – Нас могут услышать!

И он указал пальцем на перегородку, напоминая заговорщикам, что Мария-Луиза находится поблизости. Фуше, до сих пор пользовавшийся услугами тайных агентов, узнал о появлении императрицы в этом ресторанчике и сообщил об этом заговорщикам, которых несколько обеспокоила близость регентши, так как они не знали истинных чувств императрицы к Наполеону и предполагали, что она привязана к своему супругу.

Тогда заговорил де Витроль:

– То, что вы говорите о шведском принципе, господа, в отношении его воинской славы, – вполне правильно. Но прочить его на французский престол равносильно признанию в полном непонимании момента. Ведь и Наполеон стал невыносим для народа только потому, что последний устал от войн и требует покоя. Ему абсолютно не нужен государь-воин. Маршал, подобный Бернадотту, поставленный во главе французской нации, будет постоянной угрозой миру. Он не преминет пожелать отделаться от европейской опеки. Мирные принцы из рода Бурбонов гораздо более соответствуют идеалу правителя, необходимого для настоящего, далеко не воинственного настроения страны. Кроме того, хотя шведский принц и дал ценные доказательства своей верности и преданности союзникам, за что последние и вознаградили

его шведским трон, но князь Понтекорво, несмотря ни на что, все-таки останется Бернадоттом. Он олицетворяет собой по происхождению ту армейскую демократию, которой так боятся все государи. Ведь он тоже является детищем революции. Он только усилит спутанность нравственных понятий, воцарившуюся в народных умах благодаря устранению от трона законных государей; его воцарение будет новым ударом по догме престолонаследия, соблюдать которую всецело в интересах союзных монархов. Бернадотт не дает нам никаких гарантий, не обеспечивает ни малейшей безопасности. Точно так же, как он изменил Наполеону, он изменит и монархам, даровавшим ему трон. Пусть он лучше останется в Швеции, где он никому не опасен. Я имел счастье докладывать все эти соображения его величеству императору Александру, который вполне согласился с моим взглядом на вещи. Из разговора с его величеством я вывел заключение, что союзные монархи, с которыми нам необходимо считаться, так как без них мы ничего не можем сделать, будут косо глядеть на избрание Бернадотта. Господа, нам не остается ничего другого, как обратиться к Бурбонам.

– Белое знамя слишком непопулярно; ведь это было штандартом Вандеи и знаменем эмиграции! – заметил Фуше, вспоминая о своем былом якобинстве.

Совещание грозило перейти в спор. Талейран поспешил вернуть спорящих к действительности.

– Да оставим, господа, в покое кандидатов и цвета знамени, – сказал он, – в настоящий момент нам необходимо заняться регентшей и ее сыном. Что нам с ними делать?

– Присутствие Марии-Луизы и ее сына вблизи войск и среди солдат национальной гвардии, из которых многие сильно экзальтированы, представляет собой большую опасность, – заметил архиепископ Прадт.

– Пребывание сына Наполеона в Париже является препятствием к принятию решения совместно с союзниками, – прибавил Дальберг.

– Надо во что бы то ни стало избавиться от наследника империи и его матери! Но мирно, без насилия... – сказал Витроль.

Смущенный ропот присутствующих последовал за этим замечанием.

– Раз мы все согласны в необходимости будущего отъезда императрицы и ее сына, – продолжал Талейран, – отъезда, который даст возможность народу свободно высказать свои истинные чувства и пожелания, а нам предоставит свободу действий и переговоров с союзниками в целях наилучшего обеспечения мира и спокойствия в стране, то мне кажется, что мы должны посоветовать ее величеству удалиться из Парижа. Для передачи ей этого совета у нас, к счастью, имеется преданный помощник, пользующийся громадным влиянием на ее величество.

– А кто это? – осведомился Витроль.

– Граф Нейпперг. Я попросил его содействовать нам, и он обещал мне сделать все, что в его власти, чтобы помочь нам в том предприятии, которому сочувствует, между прочим, также и его августейший повелитель, император австрийский.

– А когда можно будет повидать этого Нейпперга? – осведомился архиепископ Прадт.

– Он может сию же минуту очутиться среди нас, если вы желаете этого.

Заговорщики поспешили заверить Талейрана, что они с радостью увидят в своей среде этого неожиданного соучастника.

Через несколько минут появился Нейпперг.

Его посвятили на скорую руку в курс тех совещаний, которые происходили до него, высказали обоснования необходимости удаления Марии-Луизы под тем предлогом, будто она с сыном подвергается слишком большой опасности, оставаясь в столице во время ужасов осады и, быть может, даже и гражданской войны. Потому его просили использовать все свое влияние на Марию-Луизу, чтобы убедить ее как можно скорее оставить с сыном Париж.

Нейпперг улыбнулся и заявил собравшимся, что более приятной для него миссии не могло бы быть. Он уже говорил с императрицей об этом. Достаточно будет, по всей вероятности, еще раз обратиться к ней с уговорами уехать из Парижа, чтобы она уступила.

Заговорщики рассыпались в комплиментах и любезностях по адресу возлюбленного Марии-Луизы; ему обещали признательность Франции, которая будет обязана ему своим миром и спокойствием.

Нейпперг поклонился и сказал с выражением жестокой ненависти:

– Не благодарите и не хвалите меня, господа! Не для вас и не для Франции работал я. Я борюсь против человека, я хочу свалить Наполеона. Я уже вижу, что он готов упасть, и хочу всеми своими силами ускорить его падение. Я глубоко ненавижу его и уже двадцать лет подготавливаю его гибель. Я не перестану преследовать его до тех пор, пока не увижу его мертвым или пока его не сошлют и не заключат узником на каком-либо острове, с которого он не будет в силах убежать.

– На остров! – воскликнул Талейран. – Ей-богу, это такая мысль, о которой мы даже и не подумали. А ведь Наполеону было бы очень недурно окончить таким образом свою карьеру. Он родился островитянином – так почему бы ему и не кончить островитянином, поселившись на каком-нибудь острове вроде Корсики, Капри или Эльбы?

– Все это слишком близко, – мрачным голосом заявил Нейпперг. – Я хотел бы, чтобы он попал в мои руки; тогда я отправил бы его на какой-нибудь необитаемый остров необъятной Атлантики или на остров Святой Елены...

– Ну, а пока что он находится в Шампани, – заметил Фуше, – и может обрушиться на вас в какую-нибудь неделю. С горсточкой гренадеров, оставшихся ему верными, этот человек способен наделать больших и страшных дел. Подумайте об этом и подумайте о себе, господа! Если Наполеон вернется победителем, то что станет с нами!

– Союзные государи, – мягко заметил Прадт, – заверили меня, что в случае, если грядущие события изменят нашим надеждам, нам, которые действуют согласно с ними, бояться нечего. Для каждого из нас найдется теплое местечко, мне это твердо обещали!

Такая гарантия заставила разгладиться лбы заговорщиков, сильно смутившихся при словах Фуше.

Прадт вооружился бутылкой шампанского, откупорил ее, налил бокал, подал его Нейппергу, налил себе и, передавая бутылку своему соседу, герцогу Дальбергу, сказал:

– Пустите по кругу! Светлые надежды, поданные нам господином Нейппергом, заслуживают того, чтобы мы выпили за выполнение наших проектов!

Все сдвинули бокалы, наполненные пенящимся вином, и звонко чокнулись.

– За здоровье наших законных государей! – сказал Витроль.

– А также и за наших державных союзников! – добавил сейчас же Дальберг.

– Господа, не забудем императрицу-регентшу! Разве же благодаря господину Нейппергу она не является в данный момент нашей самой мощной союзницей? – сказал архиепископ Прадт с жестом священника, простирающего ковчег с мощами над головами молящихся.

– За мир и благоденствие народов! – пробормотал еле слышно Талейран.

– Господа, прежде всего следует выпить за наше собственное здоровье, – насмешливо сказал Фуше, – потому что не следует забывать, что эта игра может стоить нам головы. А вы, господин Нейпперг, не выражаете никаких пожеланий, не пьете ни за чье здоровье? Неужели вам нужно подсказывать? Ну, ладно! Я пью за будущую отсылку Наполеона на один из тех островов, где вы так милостиво собираетесь выстроить ему последний дворец!

Нейпперг чокнулся с Фуше и холодно сказал:

– Я пью за смерть Наполеона на самом далеком острове, на самой мрачной голой скале, которая только может отыскаться в мире!

Архиепископ Прадт налил себе еще бокал вина и пробормотал с удовлетворением в голосе:

– Пути Господни непостижимы, и уже неоднократно Его десница пользовалась любовью женщины, чтобы поразить пороки и раздавить гордость!

Вдруг во дворе послышался стук копыт быстро скачущей лошади, заставивший вздрогнуть всех собравшихся.

VII

– Офицер от Наполеона! – воскликнул Фуше, бросившийся к окну.

– Уж не авангард ли это его? – пробормотал архиепископ Прадт.

Все заговорщики, за исключением Талейрана, не терявшего обычного спокойствия и хладнокровия, в ужасе вскочили с перекошенными от страха лицами; им показалось, что это скачет целая кавалерийская дивизия, и они ждали, что с минуты на минуту раздастся ненавистный крик «Да здравствует император!».

Некоторые из них уже взяли за шапки и направились к двери.

Но Нейпперг, сохранивший полное спокойствие, остановил их движением руки и очень быстро успокоил.

– Этот курьер из императорской квартиры, – сказал он, – без сомнения, несет нам великопленные новости. Успокойтесь, господа, и благоволите дать ему время вручить письма той, которой они адресованы.

– Значит, этого курьера ждали? – осведомился Талейран.

– Да, только два человека и знали о данном ему поручении и месте, где таковое должно было быть выполнено. Это я и... еще одна дама, имя которой разрешите мне не называть.

Все кивнули головой в знак сочувствия, уважая скромность Нейпперга и стараясь не показать, что они понимают, кто эта дама.

Нейпперг продолжал авторитетным тоном:

– Это я, господа, просил князя Беневенто собрать вас здесь, в этом ресторанчике, так как никому не придет в голову, что подобное место избрано для важного совещания. Я знал, что этот офицер, везший депеши Наполеона, находится в пути, и подумал, что нам было бы важно познакомиться с их содержанием. Не так ли, князь?

Талейран, к которому была обращена эта фраза, ответил:

– Действительно, после ценных сообщений господина Нейпперга я взял на себя миссию созвать всех вас на импровизированный завтрак в ресторанчике, чтобы можно было, не боясь нескромных ушей, заняться государственными делами и обсудить события, которыми чревато будущее. Вы советовали не объявлять о приезде курьера, так как его могло что-нибудь задержать в дороге или же он мог получить в пути приказание вернуться. Я поступил сообразно вашим желаниям. Но теперь, граф Нейпперг, я сделал все, и вы возьмитесь за дальнейшее. Курьер, везомые им депеши, ответ, который он должен будет передать тому, кто его послал, – все это уже ваше дело.

И князь Беневенто снова замкнулся в своей маске безразличия и равнодушия.

– Было бы страшно интересно узнать содержимое этих депеш! – заметил вполголоса Фуше.

– А еще интереснее, быть может, прочесть ответ, который последует на них! – в тон ему прибавил барон Витроль.

– Я уже подумал об этом, господа! – ответил Нейпперг. – Существует некий дворянин, с которым я познакомился в Англии и сошелся на почве общей ненависти. Возможно, что его имя известно кое-кому из присутствующих: это граф Мобрейль. Он предложил мне свои услуги, чтобы работать против Наполеона. Я воспользовался его помощью. Это отважный человек, который ни перед чем не отступит, чтобы дойти до цели.

– Я знаю этого графа Мобрейля, – перебил его Фуше. – В моих воспоминаниях о деятельности по министерству полиции ему уделено несколько очень интересных заметок. Это такой человек, который действительно пойдет на все. Но вы заявляете нам, что он обещал представить письма, написанные Наполеоном императрице, а это чертовски трудно! Кроме того, как я предполагаю, он обещал доставить вам также и ответ?

– Да, и ответ также!

– Тем не менее, насколько я знаю, – это тоже из моих воспоминаний старого полицейского, – сказал Фуше, – императрица никому, даже тем, кто связан с нею узами самой тесной интимности, – при этих словах Фуше насмешливо посмотрел на Нейпперга, – не доверяет тайны писем, получаемых от императора или отправляемых к нему. Если граф Мобрейль действительно принесет нам эти депеши, которые должны заключать в себе безусловно важные секреты, судя по месту, избранному для приема курьера, то он покажет себя таким ловким, что я могу только поздравить вас с приобретением столь дельного помощника!

В этот момент раздался тихий стук в дверь.

Нейпперг пошел открыть.

На пороге показался Мобрейль. Он был очень бледен. Его правая рука была засунута, словно в перевязь, в отверстие расстегнутого жилета. Галстук, жабо и кружево были забрызганы свежей кровью. Он подошел и, поздоровавшись кивком головы, достал левой рукой из-под редингота бумаги.

– Читайте! – сказал он слабым голосом, бросив бумаги на стол. – Поскорее читайте! – Затем он бросился на стул и пробормотал: – Я задыхаюсь... Пожалуйста, стакан воды!

Вот каким образом Мобрейлю удалось овладеть письмами Наполеона, доставку которых императрице последний поручил Анрио.

Анрио выехал из Реймса после первого курьера, посланного императором с извещением о скором прибытии второго. Он ехал с таким расчетом, чтобы избежать цепи неприятельских войск, для чего ему пришлось сделать большой крюк. Ему удалось проехать сквозь занятые неприятелем деревни, не подвергаясь ни допросу, ни досмотру. Он добрался до последнего перегона и уже видел перед собой высоты Монмартра, когда на дороге вдруг вырос человек, одетый в широкий извозчий кафтан. Этот человек крикнул ему:

– Вы полковник Анрио?

– А вам какое дело? – ответил тот, давая лошади шпоры и держа наготове пистолет.

– Я от госпожи Алисы.

Имя жены, произнесенное этим человеком подозрительного вида, успокоило Анрио насчет враждебных намерений незнакомца, но вселило в него тревогу за жену. Какая беда грозила Алисе? Что такое могло случиться с нею, если ее имя упоминает какой-то придорожный бродяга?

Анрио остановил лошадь и со стесненным сердцем повернулся к человеку, который сказал ему:

– Меня послала к вам госпожа Алиса. Дама, с которой вы должны были встретиться в ресторанчике дядюшки Лятяюя, по важным, но не известным мне основаниям, не имеет возможности прибыть на условленное для свидания место.

– И что же? – спросил Анрио, по-прежнему оставаясь настороже.

Незнакомец продолжал:

– Не имея возможности по некоторым соображениям, о которых вы можете догадываться, принять вас у себя на дому, эта дама предлагает вам отправиться не в ресторан дядюшки Лятяюя, а в гостиницу «Золотое солнце», расположенную в Лафурше, на перекрестке дорог Клиши и Сен-Дени.

– Я могу остановиться в этой гостинице; но для чего это? – спросил Анрио, недоверие которого уменьшалось. – Если ваше сообщение верно, что я найду там?

– Вы встретите там свою супругу, и она сообщит вам то, что поручила ей передать дама, к которой вы имеете письмо. Больше я ничего не знаю. Я исполнил данное мне поручение, больше с меня нечего и спрашивать. Счастливого пути, полковник. Анрио. Не забудьте: гостиница «Золотое солнце» в Лафурше.

Не успел Анрио прийти в себя от удивления, как незнакомец, отскочив в сторону, скрылся в узком проходе между стенами, куда всадник не мог бы последовать за ним.

Пустив медленным шагом лошадь, Анрио задумался.

Появление такого странного вестника могло удивить, но было вполне объяснимым. Очевидно, ему было известно о прибытии Анрио. В таком случае он мог быть послан только самой императрицей.

Ведь незнакомец знал, что он проедет по этой дороге, что он является курьером к императрице; очевидно, во избежание измены, о которой возникли подозрения, необходимо было принять эти меры предосторожности.

Ведь во дворце Тюильри императрица не только не была свободна в своих действиях, но и не могла быть спокойной от шпионов. На окружавших ее лиц положиться было нельзя. Император знал все это и потому-то избрал местом передачи депеш ресторан Лятюйя. Но мало ли что могло помешать Марии-Луизе прибыть туда!

И мало-помалу все сомнения Анрио рассеялись. Мысль об Алисе окончательно уничтожила последние опасения. Ведь ее должен был встретить он в названной незнакомцем гостинице «Золотое солнце». Дорогая Алиса! Как любил он ее! Как он страдал от необходимости быть с нею в разлуке! Но с какой безумной радостью прижмет он теперь ее к своему сердцу! О, как добра императрица: ведь она могла выбрать для сообщения своей воли другую придворную даму, а она послала Алису! Какой счастливой случайностью являлась невозможность для императрицы прибыть в ресторан Лятюйя. Он сможет теперь на свободе увидеться со своей славной женой, он сможет выказать себя любящим супругом, не нанося ущерба службе.

Окончательно успокоившись и не сомневаясь более в правдивости слов человека, остановившего его по дороге, Анрио дал поводья своему Фебу. Погладив лошадь по шее, он сказал ей, словно бы животное могло понять его:

– Живее к «Золотому солнцу», Феб! Мы едем к твоей доброй хозяйшке, Алисе!

VIII

В тот час, когда Анрио скакал по дороге Сен-Дени и когда мадам Сан-Жень в сопровождении ла Виолетта, войдя в ресторан Лятюйя, застала совещание предателей и свидание Марии-Луизы с Нейппергом, в гостиницу «Золотое солнце» явилась парочка, потребовавшая комнату.

Это были Алиса и Мобрейль.

В тот момент, когда молодая женщина, вопреки приказаниям императрицы и повинувшись повелительной записке Мобрейля, решила войти в кабачок Лятюйя, вдруг появился Мобрейль, сказавший ей на ухо:

– Вы очень аккуратны, это мило с вашей стороны. Но пойдёте дальше, в гостиницу «Золотое солнце».

– А почему бы не остаться здесь? – сказала Алиса. – Ведь то, что вы хотите сказать мне, я могу выслушать здесь с таким же успехом, как и в гостинице.

– Сегодня в этом ресторанчике собралось слишком много народа, – весело ответил Мобрейль. – Нас могут увидеть, побеспокоить. Поэтому умнее будет перейти туда, куда я вам сказал. «Золотое солнце» – это уже деревня, и нахалы, равно как и ревнивцы, не явятся туда.

Причиной перемены места свидания было то, что Мобрейль заметил присутствие в ресторане Лятюйя герцогини Лефевр и ла Виолетта. Они, как он подумал, без сомнения, зашли туда случайно, но их соседство делало небезопасным затеянное им предприятие. В герцогине Алиса могла найти такую поддержку, о которую разобьются все его усилия, а в гостинице «Золотое солнце» он не подвергается никакому риску.

Извещенный Нейппергом – а последний в свою очередь узнал об этом от самой Марии-Луизы – о прибытии Анрио, Мобрейль признал гостиницу «Золотое солнце», удаленную от заставы и массы всяких торговцев и извозчиков, кишачих там, за более надежное место для исполнения своего плана. Здесь их примут за влюбленных, и никому не придет в голову подслушивать или стеречь их.

Алиса быстро шла рядом с Мобрейлем, отказавшись взять предложенную им руку. Вся кровь прилила к щекам, ее сердце сильно билось. Она думала об Анрио, который, быть может, уже прибыл в ресторан Лятюйя и которого она вскоре увидит. Задумавшись о муже и мечтая о его поцелуях, Алиса беззаботно шагала по пыльной дороге Клиши.

Мобрейль шел рядом с ней, не говоря ни слова, видимо озабоченный.

Вдруг радость Алисы от ожидания встречи с Анрио омрачилась мыслью о присутствии Мобрейля.

«Но допустит ли он, чтобы я отправилась в ресторан и встретила там с мужем?» – мелькнула у нее мысль.

И она вдруг подумала, что он ведет ее в эту удаленную гостиницу только для того, чтобы задержать ее, чтобы помешать встретиться с Анрио.

Она мрачно посмотрела на своего спутника, по-прежнему задумчивого и озабоченного, затем инстинктивно сунула руку за корсаж. Да, ее верный защитник – испанский кинжал – все еще был там! Она сразу успокоилась. Улыбка сверкнула на ее лице, она с выражением недоверия и превосходства поглядела на Мобрейля и, подойдя к гостинице, развязно сказала:

– Ну что же, зайдем в «Золотое солнце»!

Пораженный внезапной переменой в манерах Алисы, Мобрейль подумал: «Она не очень-то заставляет просить себя! Эге! Да если дело пойдет так и дальше, то все обойдется гораздо легче, чем я думал!» И тоже повеселев, он повторил за ней:

– Ну что же, прекрасная дама, зайдемте в «Золотое солнце».

В тот момент, когда они входили во двор, человек, закутанный в простой извозчий кафтан и очевидно поджидавший его, подошел к нему и быстро шепнул ему на ухо несколько слов.

Мобрейль с видимым удовольствием выслушал его и сказал вполголоса:

– Хорошо, Дасси, вы мне больше не нужны. Ступайте! Вам не следует оставаться здесь более!

Алиса и Мобрейль в сопровождении служанки поднялись на первый этаж, где была приготовлена комната. Впустив их туда, служанка спросила:

– Вам понадобится еще что-нибудь?

Мобрейль в ответ на это предупредил ее, что в скором времени сюда должен прибыть всадник, который осведомился, не поджидает ли его здесь дама, и ему нужно ответить, что да.

Служанка вышла, и Мобрейль с Алисой остались наедине.

Между обоими любовниками, из которых один никогда не любил, а другая уже не любила больше, хотя и должна была выносить все тяжелые последствия совершенной ошибки, произошла короткая, но решительная сцена.

Теперь Алиса уже не чувствовала ничего, кроме отвращения и страха к человеку, которому когда-то отдалась. Но, несмотря на это, она не могла выйти из-под власти своего бывшего любовника, по-прежнему пользовавшегося громадным влиянием на нее. Она чувствовала себя попавшей в западню, была во власти Мобрейля. Она ненавидела его со всей силой любви к мужу, вновь воскресшей в ее сердце, но в то же время чувствовала себя бессильной сопротивляться тому, кто держал ее в своих объятиях; вместе с телом она отдала ему свою волю. Этот любовник, прогнанный ею с ложа, но не из мыслей, сохранил над ней весь авторитет обладания. Она уже не была больше его любовницей, не хотела быть большею, но по-прежнему признавала себя его безвольной рабыней и говорила себе, что он может добиться от нее всего, чего захочет. Как ни старалась она облечься панцирем сопротивления, презрения, даже ненависти, ей все-таки приходилось сознаться в душе, что все эти попытки к протесту растают в немом бессилии, если Мобрейль заговорит с нею тоном повелителя. Соглашаясь на это свидание, Алиса была готова к тому, что должно было унижить ее, запачкать, преисполнить отчаянием и угрызениями совести, но в то же время признавала, что должна будет уступить, что она не в силах будет упорствовать в отказе, сопротивляться желаниям Мобрейля. «Я убью его потом!» – думала она, но мысль о возможности защиты своей чести до, а не потом даже не приходила ей в голову. В его присутствии она чувствовала себя словно птичка, парализуемая взглядом змеи.

Заперев дверь, Мобрейль остался на почтительном расстоянии от Алисы и не делал ни малейших попыток взяться за свою прежнюю роль соблазнителя. Это немного удивило молодую женщину, и слабая надежда несколько оживила ее сердце: может быть, это свидание будет просто их последним «прости», последним, заключительным аккордом былой страсти?

Она с боязливым любопытством ждала, чтобы Мобрейль заговорил.

Наконец нежным, звучным голосом он изложил ей цель их свидания в гостинице «Золотое солнце». Полковник Анрио был в дороге, и скоро он прибудет сюда. Он везет в Париж письма; они довольно незначительны, но тем не менее в этих депешах имеются такие сведения, которые страшно необходимы ему, Мобрейлю, и он во что бы то ни стало должен прочитать их. Значит, дело заключается в том, чтобы получить их от полковника Анрио. Ей будет достаточно сказать мужу, что императрица послала ее принять курьера Наполеона. Анрио не придет в голову ни малейшего подозрения, так как он отлично поймет, что у Марии-Луизы могут возникнуть затруднения, мешающие ей лично принять адресованные ей письма. Поэтому он без всяких колебаний отдаст своей жене, статс-даме императрицы, доверенное ему послание.

В первый момент, узнав, что в данном случае дело не касается ее самой и что Мобрейль заставил ее явиться в этот номер гостиницы не для предъявления своих прав на любовь, а с чисто политической целью, Алиса испытала чувство огромного облегчения. Она сделала пре-

зрительный жест, выражавший: «Ах, так дело только в этом?» Но тут же ей пришло в голову, что находящиеся у Анрио бумаги могли содержать важную государственную тайну и обмануть Анрио, злоупотребить его супружеским доверием, изменнически нарушить тайну императорской корреспонденции было бы очень тяжким и отвратительным преступлением. Ее первым движением было желание немедленно ответить согласием, так как она была счастлива, что отделивалась так легко. Но затем она подумала, что Анрио категорически откажется вручить письма даже ей, Алисе, если будет иметь основание усомниться, попадут ли они прямо в руки и в полной неприкосновенности к императрице.

– Но вы требуете от меня подлости, воровства! – резко ответила она Мобрейлю.

– Это самая обыкновенная политическая операция, то, что мы называем на административном языке «выемкой». Я не хотел являться сюда в сопровождении полицейского комиссара, я рассчитывал, что вы добровольно отдадите мне, вашему другу, эти бумаги, которые, кстати сказать, будут потом самым добросовестным образом переданы по назначению.

– Ну, так вы ошиблись! Я не отдам вам этих писем! Впрочем, я просто предупрежу обо всем Анрио, так что их у меня даже и не будет.

Мобрейль побледнел; он не ожидал такого энергичного сопротивления.

– У нас обоих слишком мало времени, и терять его понапрасну мы не можем, – сухо и отрывисто ответил он. – Если хотите, можете предупредить полковника Анрио; но если он потребует от меня объяснений, то я дам их ему! Я скажу ему, что вы – моя любовница и что я захотел узнать, нет ли в письмах, которые он везет, какой-нибудь нежной записочки, адресованной лично к вам, из которой я мог убедиться, что вы не соблюдаете данных мне обещаний и продолжаете поддерживать с мужем нежные супружеские отношения.

– Вы решитесь сделать это?

– Да, я сделаю это. О, я отлично знаю, что произойдет затем: дуэль здесь же, на дворе этой гостиницы. Это будет очень забавно. Я буду в отчаянии, что мне придется изрешетить этого несчастного полковника Анрио, против которого лично я ничего не имею, но ведь вы знаете, что еще недавно я убил двух человек подряд в бильярдной комнате одного кафе в Палермо. Значит, я легко получу письма. Подумайте только: раз ваш муж будет убит или в лучшем случае будет ранен, то сейчас же сюда прибежит полиция, жандармерия; мне придется предупредить их о депешах убитого курьера, и бумаги, найденные у него, не будут ни в коем случае отданы вам, а их арестуют и возьмут с собой. Настоящая адресатка получит их очень не скоро, только после того, как с их содержанием познакомятся комендантское управление, министерство полиции. Вы сами можете понять, что если в этих письмах будут обнаружены какие-нибудь тайные планы императора, то высшие сановники, которые все спекулируют на государственных бумагах, постараются сохранить их в тайне, так как сначала им надо будет распорядиться покупкой или продажей ценностей сообразно полученным сведениям, а что касается регентши, то она узнает обо всем только тогда, когда все уже свершится! Вот и взвесьте все «за» и «против»! Довериться мне – это наилучший при данных обстоятельствах способ сослужить действительную службу императрице и избавить милейшего Анрио от доброго удара шпаги!

Развязность, с которой Мобрейль говорил все это, сбивала с толку и смущала Алису.

– Но для чего вы хотите получить эти письма? Какой вам интерес в них? – спросила она.

– Да уж есть интерес, милочка! – ответил он, переходя в шутливый тон и начиная подчёркнуто называть Алису на «ты». – Я вот только что говорил тебе о финансистах. Ну так вот, у меня имеются среди них друзья. Они согласились заинтересовать меня в своих спекуляциях при условии, что я извещу их заранее о готовящихся событиях. Я подозреваю, что в письмах, которые везет твой муж, должны быть также новости, которые вызовут известную сенсацию на бирже; поэтому-то мне и интересно познакомиться с ними прежде всех. Да ну же! Дело

решенное! Твой муж сейчас прибудет. Оставляю тебя. Ты потом спустишься ко мне в сад; там имеется маленькая беседочка, где я могу спрятаться. Но не вздумай изменить мне!

– Если вы рассчитываете, что я изменю Анрио, то вы ошибаетесь!

– Что? Ты отказываешься? Ты не отдашь мне этих писем?

– Я? Наоборот, я потороплю мужа отнести эти письма к императрице, которая одна только имеет право вскрыть их.

– Ты шутишь? Ведь я объяснил тебе, почему мне важно познакомиться с их содержанием! Надо же быть рассудительной! – сказал Мобрейль, стараясь шутливым тоном замаскировать охвативший его гнев. Затем, делая вид, будто он вспомнил о большом упущении, он с улыбкой подошел к Алисе, простирая к ней объятия, и сказал: – Ах, я понимаю, почему ты упрямилась! Действительно, я совершил непростительную оплошность... Ты, очевидно, думаешь: «Господи, как он изменился, каким грубияном он стал! Как, мы находимся наедине в запертой комнате после того, как долго не виделись, и он даже не поцелует меня!» Я форменный идиот, что все время говорил с тобой об одних только делах! Но сейчас я исправлю свою ошибку и вымолю у тебя прощение!

И, по-прежнему шутя и улыбаясь, он обнял Алису и хотел поцеловать ее.

Однако молодая женщина быстро вывернулась из его объятий, а затем быстро вытащила из-за корсажа испанский кинжал и ударила им два раза Мобрейля.

Он инстинктивно отскочил и подставил лезвию согнутую правую руку.

Брызнула кровь.

Мобрейль хладнокровно схватил Алису за руку, сжал ее и заставил выпустить оружие. Кинжал упал на землю, и Мобрейль наступил на него ногой.

Он получил две раны. Рана, нанесенная в правую руку, которой он хотел отпарировать удар, была очень глубока, но не опасна. Первая же пришлась прямо в грудь; хотя кинжал и не проник глубоко, но Мобрейль уже чувствовал приближение обморока.

Прислонившись к двери и сохраняя все свое хладнокровие, он сказал Алисе, которая застыла неподвижно, словно сама пораженная тем, что она сделала.

– А теперь я вполне уверен, что вы отдадите мне потребованные мною письма. Вы сами можете понять, что в случае, если вы откажетесь слепо повиноваться мне, мне уже не понадобится изобретать предлог для вызова на дуэль полковника Анрио: мне достаточно будет показать ему обе раны, которыми вы наградили меня. Он – если я ненароком не убью его еще раньше – согласится со мной, что необходимо будет спросить у вас, почему вы сочли нужным пустить против меня в дело кинжал. Он не поверит ни слову в истории с письмами, если вам придет в голову рассказать ее ему. Гораздо вероятнее, что он просто заподозрит сцену ревности, зашедшую слишком далеко. Подумайте об этом на досуге, я же буду ждать вас в беседке, находящейся в глубине сада, но только с письмами.

И Мобрейль вышел из комнаты, шатаясь и хватаясь здоровой рукой за стену; раненую руку он прижал к ране на груди, чтобы приостановить кровотечение.

Вскоре Анрио соскочил с лошади во дворе гостиницы «Золотое солнце», приказал слуге указать ему комнату, где ждала его Алиса, а затем, вбежав туда, бросился в ее объятия и покрыв ее поцелуями.

Только когда прошел первый порыв страсти, он заметил, что Алиса была бледна и, видимо, сильно взволнована. Он испуганно спросил ее, в чем дело. Она постаралась справиться со своим волнением, поспешив объяснить его радостью свидания.

Анрио вполне удовлетворился этим объяснением. Молодой влюбленный полковник, проскакавший сорок лье и встречающий жену, с которой был разлучен долгие месяцы, дрожащей, более очаровательной, чем когда-либо, поджидающей его в уединенной комнате гостиницы, не станет очень долго раздумывать над вопросом, что именно взволновало жену при его появлении...

Алиса же с гибкостью, свойственной всем женщинам, очень быстро овладела собой и страстно отвечала на пламенные ласки мужа. Тем не менее она не забыла про Мобрейля, и Анрио пришлось вспомнить о своей миссии.

На вопрос Алисы он, отдавая ей письма, ответил:

– Значит, действительно императрица послала тебя, чтобы более верным и секретным образом получить депеши императора? О, эти письма страшно важны. Смотри, не потеряй их и никому не показывай! Но, – прибавил он с полным доверием к этому посреднику и понимая, что и в дальнейшем императрица должна соблюдать те же предосторожности, – где я могу получить ответ? Должен ли я обождать здесь?

– Нет! Нет! – быстро ответила Алиса, испуганная возможностью встречи Анрио с Мобрейлем. – Отправляйся в ресторанчик Лятюйя.

Она случайно назвала этот ресторан, подумав, что там Мобрейль не посмеет напасть на Анрио.

– Хорошо! – ответил последний. – Но разве императрица находится там? Так почему она послала тебя сюда? Почему я не мог отправиться прямо туда? Какое основание было устраивать нашу встречу в этой придорожной гостинице?

Не смущаясь, Алиса ответила:

– Императрица там не одна. За ней увязались, когда она отправилась туда. Но она не хотела, чтобы видели, как к ней явится курьер от державного супруга. Сам понимаешь, это государственная тайна.

– Ну разумеется! Тебя никто не заподозрит. Но что подумают обо мне, когда увидят, что я вхожу в ресторан Лятюйя?

– К тому времени императрица познакомится с содержанием привезенных тобою писем и я передам тебе ее ответ. Никто ничего не заметит, и все эти шпионы и предатели, которые так и кишат вокруг Марии-Луизы, не будут в силах узнать, что написал император или что ответила ему супруга.

– У тебя такой изворотливый, тонкий ум, что ты могла бы поставить в тупик самого Талейрана! – воскликнул ничего не подозревавший и очень далекий от каких-либо сомнений Анрио, целуя жену. Затем он прибавил со вздохом: – Ну а теперь ступай и сделай то, что тебе доверила императрица. Мое поручение наполовину исполнено. До скорого свидания в ресторане Лятюйя! Ей-богу, я изнурен до последней степени! Чтобы убить время, я сосну четверть часика, пока ты будешь у императрицы. От этой скачки у меня трещат все кости, а ведь мне придется сейчас же скакать обратно, как только ты передашь мне письмо Марии-Луизы.

В то время как Анрио бросился на кровать, Алиса в полном отчаянии подчинилась желанию Мобрейля. Она вручила ему депеши Наполеона, и вскоре Мобрейль явился в большой кабинет ресторана Лятюйя, где собирались заговорщики, и передал последним эти письма, чувствуя себя близким к обмороку, ослабевшим от потери крови, но возбужденным лихорадочной радостью удачи.

Заговорщики с изумлением узнали из письма грандиозный проект Наполеона, его намерение оставить Париж и двинуться на восток, а также о подкреплениях, которые он рассчитывал найти в северных гарнизонах. Они поняли, что все усилия коалиционных сил пойдут прахом, если императору удастся выполнить такой чудный план, если Париж сможет продержаться еще три недели. Следовательно, необходимо было во что бы то ни стало остановить Наполеона, заставить его принять сражение и разбить его в местности между Сеной и Марной, где он очутится в западне. Там его можно будет окончательно раздавить, заставить податься на Париж. В то же время, благодаря письму Наполеона к брату с советом бросить Париж и добраться до Луары, легко можно будет добиться сдачи Парижа. Благодаря панике заговорщики получили возможность стать хозяевами столицы, а следовательно, и трона.

Оставался сам Наполеон. Следовало помешать ему выполнить свой отважный проект марша на восток.

Заставить его повернуть к столице, которую он застанет в состоянии полной деморализации, готовой капитулировать, было очень легко. Достаточно было, чтобы Мария-Луиза написала своему супругу письмо, в котором умолила бы его не покидать ее на произвол судьбы и поскорее явиться на защиту Парижа.

Нейпперг взялся добыть от Марии-Луизы лживое тревожное письмо, которое смутит Наполеона, помешает ему выполнить свой грандиозный проект отступления на восток и заставит вернуться в Париж. А когда письмо сделает свое дело, надо будет принять меры, чтобы Париж сдался союзникам. Лишенный своей столицы, Наполеон будет уже не императором, а атаманом банды, искателем приключений. Он будет свержен с трона, и империя закончит свои дни. Таким образом, все произойдет так, как того желают заговорщики, и Наполеон будет погублен!

Послушная предательским советам Нейпперга, Мария-Луиза без малейшего колебания написала роковое письмо, которое остановило Наполеона в его великом стратегическом движении на Лотарингию и заставило его наспех, хотя и слишком поздно, вернуться к Парижу.

IX

Ферма «Божья слава» прежде была монастырем, национализированным во времена революции, а потом превращенным в большую ферму. Там жил в уединении военный врач с женой – Марсель с Рене.

Получив наследство от отца Рене, Марсель с женой поселились здесь помещиками и неустанно работали, подымая доходность фермы, составлявшей когда-то собственность графа де Сюржер.

Окруженная высокой стеной, составленная из прямоугольных построек, возведенных из прочных массивных камней, огражденная глубоким ручейком, через который был перекинут дощатый мост, «Божья слава» могла в случае надобности превратиться из мирной фермы в грозный редут.

Со времени приближения врагов Марсель занялся приведением своей фермы в защитное состояние.

Философ-гуманист, космополит по взглядам, Марсель всегда был противником Наполеона и ненавидел империю. Он мечтал о всемирной республике, об уничтожении границ, общности интересов и мирном служении общественному благу. Он объявил войну войне. В его глазах Наполеон был главным препятствием, мешавшим народам Европы наслаждаться счастьем социальной международной федерации. И когда в Испании и России вспыхнула народная война, наносившая урон за уроном Наполеону и его завоевательным тенденциям, то Марсель был вне себя от радости.

Когда впоследствии вспыхнул патриотический жар в германском юношестве, Марсель с восхищением внимал известиям об их героизме и, перечитывая вместе со своим соседом, Жаном Соважем, эти известия, принимался вместе с ним мечтать о всеобщем мире и союзе цивилизованных наций. Следовало только окончательно победить Наполеона, и тотчас с войнами будет покончено навсегда.

Однако появление во Франции солдат князя Шварценберга сопровождалось таким насилием, разбоем, грабежом, поджогами, что сам герцог Йоркский выразился следующим образом: «Я думал, что имею честь командовать корпусом прусской армии, а на самом деле мне приходится командовать разбойничьей шайкой!»

Это быстро изменило взгляд на вещи и образ мыслей Марселя. Решив вначале оставаться нейтральным наблюдателем грядущих событий, ожидая от неприятельского нашествия освобождения Франции, он без страха и гнева встретил появление в стране союзных войск. Не будучи поклонником Бурбонов, он верил в искренность их лживой программы, которую всюду разглашали и рассовывали роялистские агенты. Он с удовольствием прочел прокламацию Людовика XVIII, где довольно смело было сказано:

«Французы! Не ждите никаких упреков от вашего короля, не ждите от него жалоб и воспоминаний о прошлом! Я хочу говорить с вами только о мире и всепрощении. Примите дружелюбно великодушных союзников, откройте пред ними врата ваших городов, отклоните от себя удар, который неминуемо обрушится на ваши головы в случае преступного и бесполезного сопротивления, и пусть появление союзников ознаменуется криками радости! Их победоносные армии несут вам мир и прощение. Неприкосновенность имущества будет строго соблюдена, налоги будут уменьшены, ваши сыны будут возвращены к родным полям и вашим обязанностям. Свод законов, оскверненный именем Наполеона, останется в полной силе. Сенат будет сохранен. Король еще раз торжественно обещает уничтожить рекрутский набор, который разрушает счастье семей и надежды родины. Французы, долой тирана, долой войну! Долой рекрутчину и усиленные налоги!»

В этой прокламации Марсель нашел зародыш осуществления своих грез, хотя будущее показало, что, утвердившись на троне, Людовик XVIII первым делом постарался закрепить рекрутчину и усиленные налоги...

Марсель торжествовал. Но вскоре крики радости сменились у него возгласами ярости; это случилось тогда, когда он увидел, что делают в стране эти мнимые миссионеры мира и общественного блага.

Грабежи, насилия, пожары, убийства – вот что явилось первыми знаменами покровительства и дружбы, данными войсками Блюхера, который должен был «освободить» Францию. И со стороны офицеров-немцев, жаждавших свести свои счета с французами, все эти возмутительные явления не встречали особенного протеста. «Если бы я вздумал подвергать расстрелу всех грабителей, – сказал однажды князь Шварценберг, – то мне не с кем было бы воевать с французами: пришлось бы пристрелить всю армию!»

Но грабили не только солдаты – грабили и немецкие генералы. Так, например, князь Гогенлоэ заставил город Труа заплатить ему контрибуцию в следующем размере 150 тысяч франков деньгами, 18 тысяч центнеров муки, 12 тысяч бочек вина, 3 тысячи бочек водки, тысячу быков, 18 тысяч центнеров сена и 344 тысяч рационов овса.

Однако это было хотя и тяжелым, но все же культурным грабежом. А что делалось неприятельскими солдатами в деревнях – трудно даже описать! На месте целых деревень сплошь да рядом оставались только пылающие развалины; солдаты вооружались топорами и, забрав все, что могло быть унесено с собой и имело ценность, забавлялись тем, что разбивали мебель и утварь в мелкие щепы. В погребах опоражнивались целые бочки с вином, а что солдаты не в состоянии были выпить, то, опять-таки на потеху, разбивалось и выливалось вон. Если в оставленной бежавшим со страха населением деревушке солдатам попадалась женщина, то от мерзкого насилия над нею не гарантировали ни старость, ни детство: озверевшие солдаты насиловали шестидесятилетних старух с такой же яростью, как и семилетних девочек. Случалось, что всему контингенту повстречавшегося на пути женского монастыря приходилось перебивать в солдатских объятиях.

И обыкновенно программа «развлечений» была таковой: сначала грабеж, потом насилие, потом пьянство, а потом пожар.

Следствием всех этих зверств была страшная вспышка патриотизма в наводненных неприятелем местностях.

За исключением боязливых буржуа, которые из опасения лишиться имущества спешили дрожащими руками нацепить белую кокарду, народ проклинал иностранцев и звал Наполеона.

Тогда забывались все строгости, вся суровость режима империи, и, подобно Жану Соважу и Марселю, очень многие из тех, кто раньше проклинал воинственного императора и желал его низложения, теперь видели в нем единственную опору против неистовства «освободителей» и спешили взяться за оружие, чтобы сражаться вместе с Наполеоном и за Наполеона. Какая радость, какой восторг опьянил всех, когда император совершил свой победоносный въезд в Труа!

В первый раз со времени республики во Франции вспыхнула народная война.

Вооружаясь, Жан Соваж сдержал обещание, данное маршалу Лефевру и его жене во время обхода крестьян, собравшихся в парке Комбо в день свадьбы Анрио. Но кроме того он вооружился, чтобы защищать свое поле, свой дом, свою жену, наконец, свое существование, которое не могло быть в полной безопасности со времени вторжения союзных сил.

Неминуемость опасности заставила его взяться за оружие раньше, чем он это предполагал вначале.

Однажды вечером со стороны фермы «Божья слава» послышались выстрелы. Враг был там. Четвертый союзный корпус попытался наступать на Арси. Разведчики-пруссак атаковали ферму, где заперся Марсель.

Необходимо было поспешить к нему на помощь. Наполеон должен был быть где-нибудь поблизости. Оказав сопротивление, отбросив эту авангардную атаку, можно было дать ему время подоспеть, а там, где был Наполеон, были и победа, и спасение! Тут нечего было колебаться да раздумывать, надо было пускаться в путь. И Жан Соваж увлек за собой товарищей.

Перед фермой находился поселок, состоявший из нескольких домиков, где жили служащие фермы.

Жан Соваж приказал своему маленькому отряду остановиться и хранить самую строгую тишину.

Необходимо было сначала убедиться, свободен ли доступ к ферме. С некоторого времени ружейная перестрелка, загравшая снова с первыми лучами зари со стороны фермы «Божья слава», смолкла, и эта тишина беспокоила Жана Соважа.

Может быть, неприятель отступил? Может быть, он ожидает подкреплений? Или, быть может, подавленный численным перевесом, Марсель вынужден был сдаться?

Необходимо было двигаться с большой осторожностью. В поселке можно будет найти кого-нибудь, переговорить, узнать, бродит ли в окрестностях враг или же, отброшенный Марселем, авангард пошел на соединение с главным корпусом?

В сопровождении молодого крестьянина, которого звали Матье, Жан Соваж осторожно пустился в обход по маленькому леску, окружавшему поселок. Вдруг он услышал какой-то подозрительный шум, а по мере того, как он подходил ближе, ему показалось, будто он слышит лошадиное ржание. Из-за деревьев поднималась струйка дыма.

Подойдя еще ближе, Жан Соваж не мог уже сомневаться: неприятель был все еще здесь. Но каковы были его силы? Держится ли еще «Божья слава»? Может быть, ферма не выдержала атаки и ее храбрые защитники погибли под развалинами стен?

Жан скользил между деревьями с сердцем, стесненным боязнью за судьбу друга Марселя и объатым жадой мести. Пригнувшись к самой траве и сделав знак Матье, чтобы тот последовал его примеру, он бесшумно подкрался к куче сухого валежника и воспользовался им как пунктом для наблюдения.

Перед ними была маленькая лужайка, по краям которой ютилось пять-шесть бедных домиков, составлявших поселок.

Страшное зрелище представилось взорам Соважа и Матье. Лошади, привязанные к деревьям, глодали кору, а в середине лужайки несколько пьяных солдат окружили какого-то несчастного крестьянина, связанного по рукам и ногам и брошенного на землю.

Рот несчастного солдата набили сеном, которое собирались поджечь.

Направо от лужайки горели два дома: налево какая-то старуха отбивалась от трех солдат. Она хотела вырваться из их рук девчурку лет двенадцати, которую злодеи тащили в лесную чащу.

Вдруг старуха пошатнулась и упала. Один солдат бросился на нее и тут же, на глазах у всех, подверг ее той самой участи, которую его товарищи готовили девочке.

– О, негодяи! – пробормотал Жан Соваж. – А нас только двое! Ну да это ничего не значит. Мы положим на месте по крайней мере двоих из этих подлых негодяев. Матье, – обратился он к крестьянину, – ты не боишься?

– С вами-то? О нет!

– Ну так вот! Целься в голову тому негодяю, который навалился на старуху. О, негодяй душит ее! Смотри не промахнись! Я же подстрелю того, который собирается поджечь сено во рту этого несчастного. Это Леклерк, я узнал его. Надо попытаться спасти его. Готов, Матье?

– Мой негодяй у меня уже на прицеле!

– Так хорошо же! Пли!

Два выстрела прогремели почти одновременно.

Солдат, с громким смехом подходивший к поваленному на землю крестьянину и собиравшийся поджечь своим факелом набитое в рот сено, упал; в то же время склонившийся к

старухе вдруг вздрогнул и после короткой конвульсии застыл – пуля пронзила ему затылок и вышла через рот.

Остальных солдат объял невыразимый ужас: им показалось, что на них напал целый неприятельский отряд. Они выпустили девчурку, которую тащили в лес, а затем, торопливо отвязав лошадей, кинулись без оглядки прочь. Других тоже охватила паника – через несколько секунд на лужайке не осталось ни одного солдата.

Жан Соваж сказал Матье:

– Ты отлично выстрелил! Ну, а теперь поспешим освободить несчастного Леклерка. Как бы он не задохнулся!

Выйдя из засады, они бросились к потерявшему сознание крестьянину. Жан Соваж вытащил сено, которым был забит рот крестьянина, а затем принялся растирать его, стараясь привести в чувство. Но, несмотря на все его старания, Леклерк не приходил в себя.

Матье смотрел с раскрытым ртом на открывшуюся перед ним картину разрушения. Затем, словно желая отогнать ужас, охвативший его при виде горящих домов, истерзанных трупов и леса, куда скрылись «освободители Франции», молодой крестьянин принялся заряжать ружье.

Продолжая приводить несчастного Леклерка в чувство, Жан Соваж попытался оживить его искусственным дыханием. Но тот оставался все таким же холодным и неподвижным. Тогда Жан Соваж поднял голову и сказал Матье:

– Сходи-ка в один из тех домов и постарайся раздобыть немного водки.

Матье побежал к одному из домов, пощаженных пожаром, а Жан Соваж продолжал приводить в чувство неподвижного Леклерка.

Вдруг раздался громкий крик. Соваж вскочил и увидел, как Матье выскочил из дома, в который вошел.

Не успел Соваж понять, что произошло, как Матье, словно одумавшись, снова бросился в дом, держа ружье на прицеле, готовый спустить курок.

Раздался выстрел.

Забыв, что он безоружен, Жан Соваж бросился вслед за Матье.

С порога дома ему представилась ужасающая картина. На постели лежала мертвая, окровавленная женщина, на которой вся одежда была изорвана в клочья, и в животе зияла громадная рана.

Это негодяй-«освободитель» изнасиловал женщину и, пресытившись ею, изрубил ее саблей.

К спинке кровати был привязан какой-то мужчина, рот которого был заткнут платком. Это был хозяин дома, которого заставили присутствовать при сцене насилия над его женой.

На кресле сидела мертвая от ужаса и побоев старуха – мать убитой женщины. Один из пальцев ее правой руки был отрублен саблей – очевидно для того, чтобы «освободители» могли завладеть золотым обручальным кольцом, снимать которое с пальца показалось им слишком скучным.

На земле с грудью, пробитой пулей Матье, лежал солдат, не выпустивший даже и после смерти бутылку с водкой, из которой он вознаграждал себя изрядными глотками за труды, понесенные при насилии и грабеже.

– Боже мой, что за война! – пробормотал Жан Соваж и поспешил с помощью Матье освободить бедного мужа от веревок и кляпа.

Освободившись, несчастный поспешил к кровати, кинулся на окровавленный труп жены и зарыдал:

– Бедная Марианна! Бедная Марианна! Приди в себя! Скажи хоть слово! Ведь ты не умерла! О, Марианна, Марианна!

– Товарищ! – сказал ему взволнованный Жан Соваж. – О мертвых надо плакать, но и мстить за них тоже нужно! Пойдем с нами, твоей жене мы устроим похороны, подобающие патриотам! Вот уже лежит один из врагов, который не совершит более в сей жизни ни одного преступления. Пойдем с нами. Если в твоих жилах течет не вода, а кровь! Плакать ты будешь завтра, а сегодня... сегодня еще найдутся враги, которых надо убить!

Несчастный провел рукой по лбу, словно просыпаясь от тяжелого сна, и скорбным голосом сказал:

– Я следую за вами, друзья мои. Куда надо идти?

Так как он не мог стоять на ногах, то Жан Соваж и Матье взяли под руки и повлекли за собой несчастного мужа, который не переставал всхлипывать:

– Бедная Марианна! Бедная Марианна!

Когда они вышли на поляну, то увидели, что Леклерк стал понемногу приходить в себя.

Девчурка, вырвавшаяся из рук насильников, убежала, словно испуганная козочка, в лес, а затем снова показалась у опушки и стала издали наблюдать за происходящим.

Жан Соваж знаком подозвал ее поближе.

– В настоящий момент нечего и думать добраться до «Божьей славы», – сказал он Матье, – неприятель может налететь с минуты на минуту. Попробуем увести этих несчастных к нам. Там за ними будут ухаживать, поставят их на ноги; если же оставить их здесь, то они погибнут, так как неприятель неминуемо вернется. Срежь две большие ветви, Матье, мы сделаем носилки, чтобы нести вот этого. – Он показал на Леклерка, который все еще неподвижно лежал на траве. – Что же касается его, – он кивнул в сторону мужа Марианны, – то он может дойти и один. Но поторапливайся, здесь пахнет неприятельским духом!

В то время как Матье торопливо срезал подходящие ветки, Жан Соваж еще раз приказал девчурке подойти поближе.

Бедняжка подошла; она была очень испугана, и ее черные глаза недоверчиво поглядывали сквозь крупные набегавшие слезы.

– Как тебя зовут? – спросил Жан Соваж.

– Агата.

– Ты здешняя?

– Нет, я из Мери. Я пришла к бабушке, так как у нас появились солдаты, вот отец меня и отослал сюда. Скажите, они не придут больше сюда? Могу ли я теперь уйти домой с бабушкой?

– Дитя мое, все дороги переполнены теми самыми людьми, которые хотели сделать тебе больно, а что касается твоей бабушки, то ты ее больше не увидишь, они задушили ее. Но ты видишь – убийца наказан, он мертв. Ну, полно, не плачь! Постарайся ответить на мои вопросы. Сколько тебе лет?

– Скоро тринадцать, – рыдая, ответила девчурка.

– В этом возрасте можно быть рассудительной. Успокойся же! Ну а теперь скажи: не знаешь ли ты, где находится ферма «Божья слава»? Дошли ли туда неприятельские солдаты?

– Да, они туда дошли, но в них стали стрелять из ружей, и они отошли прочь. Вот тогда-то он и забрался сюда.

– Ты уверена в этом? В таком случае, значит, Марсель все еще держится. Ну да, разумеется! Этот храбрец не так-то скоро сдаст свои позиции! У нас есть время дойти до наших и привести в безопасное место весь этот народ! – сказал Жан Соваж, быстро приняв решение.

Вернулся Матье с четырьмя большими ветками, переплетенными между собой.

– Вот вам и кресло! – весело сказал он.

Они положили Леклерка на эти импровизированные носилки, подняли его и пустились в путь, сопровождаемые мужем Марианны, который все еще оплакивал свою жену, и маленькой Агатой, которая плелась сзади, время от времени вытирая глаза уголком своего передника.

Поддерживая несчастного крестьянина, который все еще не мог окончательно оправиться от удушения, Жан Соваж еще раз буркнул голосом, в котором дрожали и угроза, и скорбь:

– Боже! Что за война!

Х

Догнав свой маленький отряд, Жан Соваж сдал Леклерка и Агату под охрану мужа Марианны, который был вооружен пистолетом и саблей, а затем отдал распоряжение поспешно направиться к ферме «Божья слава».

Краткий рассказ Матье о жестокостях в поселке возбудил крестьян. Всем стало ясно, что остается только одно – истребить «освободителей» или же безмолвно покориться их преступному способу ведения войны. Все поклялись отомстить за мертвых и защищать живых.

Вскоре отряд прибыл на ферму, не встретив неприятеля.

Она была хорошо защищена. Марсель нарубил деревьев и забаррикадировал обе дороги, ведущие ко входам. Деревянный мост через маленький ручей был разрушен. Все окна были заложены тюфяками и подушками. Посреди двора стояли огромные телеги, наполненные сеном и соломой, которые служили траншеями для часовых-крестьян, вооруженных ружьями. Человек тридцать служащих фермы, возчики, пастухи, прислуга, к которым присоединились еще крестьяне из окрестных деревень, составили небольшой гарнизон, которым командовал Марсель при деятельном участии своей жены.

Рене, одетая в полумужской охотничий костюм, прохаживалась взад и вперед с ружьем, наблюдая за укреплением и поддерживая мужество защитников. Когда один из импровизированных ратников вежливо ответил на ее вопрос: «Да, мадам Марсель!», она поспешно заметила ему:

– Называйте меня Красавчик Сержант! Так звали меня в республиканской армии, когда вся Франция, как теперь, была взбудоражена. Я снова принимаю это прозвище и, будь уверен, голубчик, буду нести его с такой же честью, хотя с тех пор я стала старше на двадцать лет!

Марсель, как бывший лекарь, подумал и о том, чтобы устроить амбулаторию: для этой цели в зале нижнего этажа было поставлено несколько кроватей и принесена солома. На столе были приготовлены медицинские инструменты, белье, вода, корпия и несколько склянок, – словом, все необходимое для оказания скорой помощи.

Марсель с радостью встретил подкрепление, доставленное ему Жаном Соважем, так как теперь ферма «Божья слава», вооруженная и защищенная такими силами, могла противостоять любому, даже солидному отряду врагов. Ее оружия и силы сопротивления было достаточно, чтобы привести в смятение и задержать движение союзников, а тем временем подоспеет Наполеон и освободит страну.

Марсель объяснил Жану Соважу расположение войск. Он сообщил ему, что 17 марта Наполеон покинул Реймс со своей гвардией и направился к Арси и Фер-Шампенуазу.

– Неприятель не посмеет двинуться к столице, – прибавил он. – Император, вероятно, не хочет вступать в бой в настоящее время и стремится соединиться со своим северным отрядом. Тогда он окажется ближе к воротам Берлина, чем Блюхер и Александр к заставам Парижа. Мы обязаны помочь ему достичь северных позиций, задерживая неприятельские обозы, захватывая разведчиков и различными тревогами.

– Я понимаю, это должна быть партизанская война, – энергично заметил Жан Соваж. – Ах, я желал бы видеть врагов уже здесь, на расстоянии ружейного выстрела!

– Тебе не придется долго ждать, товарищ! Слышишь этот пронзительный крик, которым обыкновенно пастухи созывают овец, когда замечают волка за соседним лесом? Это наш караул бьет тревогу, значит, враг недалеко. Итак, к оружию, мой друг! Ты будешь защищать главную часть здания фермы, выходящую на дорогу, я же расположусь в овчарнях, откуда в моем распоряжении будет вся равнина. Ты знаешь приказ: стрелять не ранее как неприятель приблизится на расстояние ружейного выстрела. Мы – осажденные и должны беречь боевые запасы.

Дав Жану инструкции, Марсель направился к низкой тяжелой двери, находившейся в глубине, отодвинул засов и открыл ее. Эта дверь вела в какой-то погреб с несколькими ходами, терявшимися в темноте: оттуда подымался тяжелый, едкий запах.

– Что это за подвал? – спросил Жан.

– Старинная монастырская пещера. Там, наверное, лежат останки древних монахов, распространяя запах. Этот мрачный, молчаливый склеп скоро, быть может, озарится пламенем и загрохочет.

Жан Соваж заметил, как Марсель размотал длинный фитиль и один конец его прикрепил к темному предмету, находившемуся на одной из ступенек лестницы, ведущей в глубину склепа. Подойдя ближе, он различил бочку.

– Тут порох? – спросил он.

– Да, – ответил Марсель спокойным тоном, заканчивая прикреплять фитиль и пропуская другой конец его под дверь, которую тотчас же закрыл. – Добрые монахи, которые покоятся там уже несколько столетий, дождутся, пожалуй, воскрешения из мертвых, какого они никак не предвидели в своих молитвах!

– Ты, значит, предполагаешь превратить убежище «Божья слава» в долину Иосафата?

– Тише! – сказал Марсель. – Не нужно пугать наших мальчиков. Но если враги проникнут сюда, они найдут верную смерть среди обломков. Все узнают, что Марсель скорее готов был взлететь на воздух, чем сдаться, и это послужит хорошим примером, товарищ! Видишь ли, случается, что страной завладевают, несмотря на храбрость ее защитников. Сдают крепости, открывают ворота городов, сдают арсеналы; однако защищаются до последней крайности, сражается не только войско, но и весь народ. И когда каждый куст представляет собой редут, когда каждый дом является крепостью, неприятельская армия начинает колебаться, а генералы приходят в смущение. Победенный народ, который приложил все старания для обороны, более славен, чем завоеватели и грабители трофеев! Так пусть же наша Шампань превратится в вулкан, грозное извержение и кровавая лава которого затопят жилища, поля и даже ее сыновей! Займем свои посты, товарищ! Если нашему примеру последуют все шампанцы, а шампанцам все французы, то Франция будет спасена!

Жан Соваж бегом направился к главному корпусу здания, уже окруженному защитниками, готовыми стрелять при первой надобности.

Марсель отправился в овчарни, где его жена, превратившаяся в Красавчика Сержанта 1792 года, оживленная предстоящим сражением и в мужском костюме казавшаяся помолодевшей, готова была открыть огонь по большому отряду врагов, скакавших по равнине.

– Не стреляйте! – остановил Марсель. – Нужно обождать. Их по крайней мере восемьсот человек, это слишком много для нас, – произнес он унылым тоном, указывая на огромное облако пыли, подымаемое приближающейся конницей.

Через несколько минут все пространство вокруг равнины, пашни, луга, огороды, дороги, все было занято кавалеристами-«освободителями». Они надвигались как бы огромной цепью, которая то смыкалась, то раскидывалась, приближаясь к неподвижной, молчаливой ферме «Божья слава».

Жан Соваж так же, как и Марсель, приказал не стрелять. Нужно было дать неприятелю возможность подойти ближе, не обнаруживая напрасной пальбой количество защитников фермы.

Вдруг один из офицеров наступавшего отряда задержал коня против дороги, ведущей к ручью, позади которого находился главный вход в ферму.

По данному знаку вся кавалькада остановилась. Два солдата приблизились к офицеру, и он указал им на дорогу к ферме.

Тогда оба солдата подъехали к ручью, привязали коней к сваям, служившим раньше опорами моста; затем после некоторого колебания медленно спустились по откосу, перешли ручей

вброд и, снова взобравшись на откос и направившись к воротам фермы, стали стучать в них прикладами ружей.

Марсель и Жан Соваж сошлись для совещания, как лучше поступить. Если встретить назойливых гостей ружейным залпом, то сражение неизбежно и ферма будет взята приступом. Не лучше ли открыть вход на ферму и вступить в переговоры?

Тем временем равнина все более и более наводнялась кавалеристами.

– Seriously сражаться против целой армии мы не можем, – сказал Марсель, – наша задача задержать здесь неприятеля как можно дольше, а не давать себя перерезать без всякого толка. Попытаемся отделаться от этих негодяев, которые идут к нам, и постараемся не привлечь сюда весь эскадрон, который носится по лесам и полям.

– Ты хочешь принять их, вступить в переговоры?

– Да, ты увидишь... у меня возникла мысль!

Марсель высунулся в слуховое окно и крикнул кавалеристам по-немецки, чтобы они подождали, что им сейчас откроют.

Солдаты сделали знак, что поняли и, открывая свои рты, показывали пальцами, что голодны и хотели бы поесть.

Марсель тотчас же отдал приказание, чтобы вынесли на двор все столы, выкатили бочки с вином и принесли хлеба, ветчины, водки. Когда все приготовления были сделаны, он приказал, чтобы все люди спрятались в верхних этажах, оставив пустыми все нижние помещения. Оружие и все следы организованной защиты были также скрыты. Затем он позвал всех женщин, бывших на ферме, убедил их не бояться и прислуживать, раздавая вино солдатам, которые будут тотчас впущены.

Сделав все эти распоряжения, Марсель принялся разбирать заграждение у ворот и впустил стучавших.

Оба кавалериста вошли с предосторожностью, беспокойно оглядываясь по сторонам. Увидев накрытые столы во дворе, полные бочки и жбаны, а также женщин, снующих взад и вперед, вообще всю эту мирную обстановку, они состроили довольную гримасу.

– Хорошо, хорошо, друзья! – закричали они и, обернувшись назад, стали делать знаки своим товарищам, собравшимся на равнине вокруг офицера и, по-видимому, ожидавшим результата разведки двух товарищей.

Вскоре часть отряда двинулась, направляясь к ферме с осторожностью, медленным шагом.

Марсель, с беспокойством наблюдавший за этим движением, обращаясь к Жану Соважу, радостно воскликнул:

– Судьба благоприятствует нам; посмотри, только эти решаются направиться сюда, а остальные, не рассчитывая найти на ферме достаточно корма для всех, предоставляют первым утолить здесь свою прожорливость, а сами пойдут дальше на поиски добычи. Мы, значит, будем иметь дело приблизительно с пятьюдесятью всадниками, ну а это нам по силам; все идет великолепно!

При этих словах Марсель радостно указал на огромный отряд неприятеля, который после некоторых колебаний и переговоров повернул обратно и скрылся на горизонте.

Его предположения были верны. «Освободители» держались определенного метода в своих нашествиях: они избегали появляться на фермах и в деревнях в слишком большом количестве, не надеясь найти там достаточно припасов и прочей добычи. Они знали, что Франция богата и что, идя далее, они удовлетворят свои аппетиты.

Офицер несколько отделился от своего отряда, переправился через ручей и вежливо обратился к Марселю, стоявшему на пороге фермы. Марсель был очень бледен и старался сохранить хладнокровие.

– Вы владелец этого дома? – спросил офицер на великолепном французском языке, прикладывая руку к своей шапке.

Марсель молча поклонился.

– Я явился просить у вас гостеприимства для моих людей. Надеюсь, что вы окажете его нам с готовностью, как делали то все ваши соотечественники, которые не принадлежат к мятежникам и знают, какого приема заслуживает войско союзников их императорских величеств, явившееся освободить вас от тирана Бонапарта и, водворив здесь мир и порядок, восстановить законное правительство.

Марсель ответил весьма кратко:

– Вы находитесь здесь по праву войны, поступайте как вам заблагорассудится!

При этих словах он указал на двор, где стояли столы, уставленные яствами.

Офицера этот вид привел в веселое настроение, и он сказал:

– Я вижу, что вы очень рассудительный француз. Впрочем, таковых, к счастью, много в этой стране. Так, например, господин Турпен, мэр Шалона, принял нас очень радушно, со слезами на глазах, и просил нас, чтобы мы сами роздали населению города белые кокарды.

– И что же, шалонцы повиновались этому мэру? Они приняли кокарды, переданные им через вас?

– Конечно, боже мой! – ответил офицер, сбивая грязь с сапог. – Впрочем, раздача значков производилась в здании мэрии. Взвод моих солдат присутствовал при этом... на случай появления какого-нибудь упрянца.

– Ах, значит, были и упрямы! – произнес Марсель, весь дрожа от внутреннего волнения.

– Да, были и такие, главным образом среди черни. Лучшие люди, почтенные граждане, владельцы поместий по соседству, все охотно кричали: «Да здравствует король! Да здравствуют союзники!» – и с видимым удовольствием нацепляли на себя белую кокарду. Мы пожимали друг другу руки и пили вместе ваше прекрасное игристое вино. Это было прелестно!

– А как поступали с упрямцами?

– Смотря по тому, кто они были. Женщин, принимая во внимание их пол, щадили, ну а с мужчинами поступали иначе. Многие с негодованием срывали королевский знак отличия и топтали его ногами; были и такие, что осмеливались провозглашать узурпатора. Их расстреливали. Что же делать! Мятеж, вы понимаете! К этому вынуждает война... Но здесь, – поспешил прибавить офицер, – я вижу, не придется прибегать к таким крайним мерам. Я счастлив, что встречаю здесь такой любезный прием. Пожалуйста, скажите, как называется эта ферма.

– «Божья слава».

Офицер продолжал:

– Я вижу, на этой ферме «Божья слава» вы хорошо умеете принимать друзей – ваших неприятелей. Столы уставлены яствами, выкачены бочки. Мой привет вам, господин фермер! – при этом он протянул руку Марселю.

Но тот сделал быстрое движение, указывая на ручей и говоря:

– А ваши лошади? Разве вы не боитесь, что они убегут или утонут?

Офицер оглянулся назад.

– Не беспокойтесь! – сказал он. – Они сами сумеют найти себе пищу и уберечься от всякой опасности.

Благодаря такому обороту разговора Марсель избежал необходимости подать офицеру руку. Во избежание новых проявлений любезности, он предложил врагу последовать за ним на кухню, где ему дадут поесть.

Встретив такое гостеприимство на ферме, что было далеко не везде на их пути, офицер, весело улыбаясь, сел за стол, приглашая Марселя последовать его примеру.

– Быть может, вы окажете честь составить мне компанию? – спросил он.

– Благодарю вас! Я уже ел, и к тому же мне необходимо позаботиться, чтобы ваши солдаты не имели ни в чем недостатка, – сказал Марсель с незаметной иронией в голосе. – Впрочем, будьте покойны, – добавил он с более подчеркнутой иронией, – это не мешает мне оказать и вам мое внимание!

– Сделайте одолжение! Право, я искренне благодарен вам, – сказал офицер, с жадностью уплетая поданную ему холодную дичь.

Марсель удалился. Тихо, крадучись, чтобы не привлечь внимания «освободителей», с жадностью накинувшихся на еду и вино, он пробирался в амбары, в конюшни, в комнаты, где были спрятаны крестьяне, подбадривал их и велел быть начеку, чтобы не быть застигнутыми врасплох и по первому сигналу быть готовыми броситься на неприятеля.

Затем он спустился во двор, где оргия была уже в полном разгаре.

XI

С дикой радостью «освободители» набросились на початые бочки вина. Вооружившись деревянными ведрами, лоханками, кувшинами, мисками, они ринулись к розовым и белым струям вина, бившим из бочек, и с жадностью утоляли жажду. Алчное стадо, никем не руководимое, теснилось, толкалось вокруг бочек, пожирая их глазами и обхватывая руками, как бы желая тем ускорить течение живительной влаги. К более счастливым, завладевшим бочками, проталкивались другие и, за неимением чашек и кубков, подставляли под краны свои засаленные шапки или кожаные сумки. Некоторые из запоздавших, не запасшихся сосудами, прямо расталкивали товарищей, находившихся в более благоприятных условиях, сбивали насосы и, ложась на живот, ловко направляли струю вина из бочки прямо к себе в рот.

Этот способ питья вызвал ссоры, жалобы, угрозы и драку.

Пившие ничком поднялись, опрокинули жбаны, разбили миски у более счастливых сотоварищей и заставили всю толпу пить из пригоршней, шапок, патронташей.

Слышалась глухая брань, предвестница кровавой бури, оргии и боя.

Один из солдат крикнул:

– Вышибем дно у бочки!

Долгие громкие крики, поднявшиеся вслед за этими словами, показали, что совет пришелся по вкусу и вызвал сочувствие.

Через минуту уцелевшие еще бочки были выкачены на середину двора, и скоро лиловатые потоки побежали на землю, на которую падали солдаты, шатавшиеся между опрокинутыми бочками.

Марсель, стоя на пороге кухни, холодно и спокойно смотрел на все более и более разгорающуюся оргию, подобно моряку, который, стоя у борта своего корабля, осматривает горизонт, определяет силу ветра, напор волн и затем говорит: «Через два часа будет ураган». Ему хотелось ускорить наступление урагана.

Один из солдат, заметив Марсея, принял его за хозяина, спотыкаясь и улыбаясь подошел к нему и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.